Stukalich, V. K.
Bielorussiia i Litva: ocherki iz istorii gorodov v Bielorussii

7
65

91
916.

БѢЛОРУССІЯ

и

ЛИТВА.

Очерки изъ исторіи городовъ

ВЪ БѢЛОРУССІИ

В. Н. Стукалича.

ВИТЕБСКЪ.

Губернская Типографія

1893.

Печатано съ разрѣшенія Начальства изъ №№ 78 — 1890 г., 7, 8, 11, 14, 15, 18, 22, 32 и 34 1891 г. Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

DK
507
.65
S8

№ 3752

БИБЛИОТЕКА
МУЗЕЙНОГО МУЗЕЯ
91
С 916

119/7

БѢЛОРУССІЯ И ЛИТВА.

Очерки изъ исторіи городовъ въ Бѣлоруссіи.

Въ этихъ краткихъ очеркахъ мы будемъ говорить преимущественно о Бѣлоруссіи, нашей родинѣ.

Исторія Бѣлоруссіи весьма мало разработана въ русской исторической наукѣ, хотя представляетъ высокій интересъ, по разнообразію тѣхъ началъ, которыя сталкивались на территоріи бывшаго Литовско-Русскаго государства, впослѣдствіи находившагося въ государственной уніи съ Польшей, подъ именемъ Великаго Княжества Литовскаго. Разнообразные національные, политическіе и религіозные элементы переплелись въ Бѣлоруссіи въ своего рода гордіевъ узелъ, распутать который и до сихъ поръ нелегко.

Между тѣмъ, до самаго недавняго времени ощущался крайній недостатокъ даже въ обнародованныхъ матеріалахъ, которые бы позволили добросовѣстному изслѣдователю построить широкую, полную и вѣрную картину историческаго прошлаго этой любопытной области русскаго государства,—прошлаго, безъ изученія котораго

наго закона, но столько же, если не больше, и тѣми обычаями, которые пріобрѣли обязательную силу въ житейской и судебной практикѣ, тѣми правами и преимуществами, которыя успѣла данная группа обезпечить за собою въ силу экономическаго, политическаго или интеллектуальнаго преобладанія и превосходства. Такимъ образомъ, при изученіи историческаго и юридическаго положенія городскихъ общинъ въ Бѣлоруссіи задача не ограничивается однимъ изученіемъ и выясненіемъ писаннаго права, дѣйствовавшаго по отношенію къ городамъ Западной Россіи, но необходимо расширяется изученіемъ тѣхъ жизненныхъ условій и отношеній, въ которыхъ городскія общины состояли съ другими элементами государства и общества.

Насколько обычай, пріобрѣвшій достаточную силу, способенъ взять верхъ надъ писаннымъ закономъ, заступая его мѣсто, это ясно показываетъ исторія городовъ Западной Руси, такъ какъ писанное право, долженствовавшее регулировать внутреннюю жизнь городскихъ общинъ, не только постоянно нарушалось въ силу тѣхъ историческихъ условій, въ которыхъ очутились городскія общины послѣ подчиненія Литвы Польшѣ могущественною внѣшнею силою воинственной шляхты Литовско-Русскаго государства, въ короткое время усилившейся за счетъ власти Великаго Князя Литовскаго и научившейся отъ польскаго дворянства, которое стало для нея образцомъ, пренебрегать интересами народа и государства во имя своихъ личныхъ,—но и просто отмѣнялось противорѣчащимъ ему народнымъ обычаемъ, дѣйствовавшимъ внутри городскихъ общинъ.

Совершенно искусственно организованныя по чуждому нѣмецкому образцу, подчиненные дѣйствію нѣмецкаго или Магдебургскаго права, имѣвшаго кореннымъ образомъ измѣнить весь складъ жизни и правовыхъ отношеній членовъ городско-

го общества, города Бѣлоруссіи, еще такъ недавно кипѣвшіе славянскою жизнью и дѣйствовавшіе самостоятельно, понятная вещь, не мирились съ отведенною имъ ролью и всячески стремились уничтожить или, по крайней мѣрѣ, видоизмѣнить дѣйствіе Магдебургскаго права.

Исторія городскихъ общинъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова начинается только со времени окончательнаго подчиненія Литовскаго Княжества Польшѣ. Раньше городскія общины входили въ составъ земли и были ничѣмъ инымъ, какъ крупнѣйшими изъ волостей и центрами вѣчевой жизни и княжескаго военнаго управленія. Но когда Литва стала организоваться на сословныхъ, феодальныхъ началахъ, города выдѣлились изъ остальной массы населенія, не могшей дать отпора притязаніямъ помѣстныхъ владѣльцевъ, и заняли нѣсколько обособленное положеніе, въ качествѣ самостоятельныхъ юридическихъ лицъ, подчиненныхъ прямо великокняжеской или королевской власти. Чтобы ясно изобразить этотъ процессъ, нужно прослѣдить исторію возникновенія, роста и упадка городскихъ общинъ Западной Руси на всемъ протяженіи ихъ исторіи, отъ эпохи существованія самостоятельныхъ бѣлорусскихъ княжествъ, соединенія ихъ съ Литвою и образованія Литовско-Русскаго государства, вплоть до соединенія Литвы съ Польшей и до новѣйшаго времени, когда западно русскія земли возсоединились съ остальными русскими территоріями.

Такая обширная задача едва ли исполнима въ настоящее время для одинокаго изслѣдователя. Прежде всего этому мѣшаетъ недостатокъ приведенныхъ въ извѣстность данныхъ. Далѣе, разработка собранныхъ и провѣренныхъ уже матеріаловъ, относящихся къ исторіи бѣлорусскихъ городовъ, затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ неизвѣстна исторія бѣлорусскаго крестьянства, а безъ знакомства съ нею нельзя

составить себѣ вполнѣ яснаго и полнаго представленія о роли городскихъ общинъ въ историческихъ судьбахъ края. Кромѣ того, матеріалъ, относящійся къ исторіи западно-русскихъ городовъ, разбросанъ въ различныхъ изданіяхъ, которыя, по своей обширности, требуютъ продолжительнаго изученія; кромѣ того, для того, чтобы воспользоваться этимъ матеріаломъ съ полнымъ успѣхомъ, необходимо примѣнить сравнительный методъ изслѣдованія, свѣривъ заключающіяся здѣсь данныя съ тѣми фактами, которые имѣли мѣсто въ параллельную эпоху въ исторіи восточно-русскихъ и европейскихъ городовъ.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ, въ силу различныхъ причинъ, мы не задавались цѣлью выполнить въ полномъ объемѣ подобную сложную задачу; болѣе того, имѣя подъ руками исключительно только двѣнадцать томовъ актовъ Виленской Археографической Комиссіи, Витебскую Старину А. П. Сапунова, да нѣсколько пособій, мы вынуждены были ограничиться разсмотрѣніемъ только тѣхъ данныхъ, относящихся къ интересующему насъ вопросу, которыя заключаются въ упомянутыхъ изданіяхъ, и ограничиться тѣми обобщеніями и выводами, которыя возможно сдѣлать на основаніи завѣдомо неполнаго матеріала.

По невозможности подвергнуть обстоятельному анализу и обработкѣ весь собранный по исторіи Западно-Русскихъ городовъ матеріалъ, трудно рѣшиться на оригинальные и вполнѣ самостоятельные выводы. Поэтому мы займемся скорѣе повѣркою результатовъ чужихъ изслѣдованій, стараясь быть осторожными въ своихъ заключеніяхъ, дозволяя себѣ только такія догадки, которыя оправдываются общимъ характеромъ разсматриваемаго періода и не противорѣчатъ извѣстнымъ фактамъ. Такая работа не безполезна, облегчая дальнѣйшее изученіе предмета.

Юридическое опредѣленіе городскихъ общинъ Бѣлоруссіи обнимаетъ три сферы: территорію, различные классы населенія и организацію общественныхъ властей. Съ этихъ трехъ сторонъ мы и намѣрены разсмотрѣть исторію бѣлорусскихъ городовъ. Прежде всего мы посмотримъ, какія земли входили въ составъ городскихъ общинъ; затѣмъ изслѣдуемъ составъ населенія по различнымъ разрядамъ или классамъ: наконецъ, разсмотримъ какъ организацію общинныхъ властей, ихъ отношеніе къ остальнымъ членамъ общины и постороннимъ элементамъ городского населенія, такъ и роль какую играли городскія общины въ государственной жизни. Послѣднее важно, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что группа населенія играющая важную, вліятельную роль въ государствѣ, всегда расширяетъ свои права, нерѣдко на счетъ другихъ, а элементы не вліятельные, наоборотъ, часто лишаются и того, что раньше имѣли и на что имѣютъ право по законамъ страны.

Установивъ наше отношеніе къ предмету, скажемъ теперь нѣсколько словъ о матеріалахъ, подлежавшихъ нашему разбору. Акты Виленской Археографической Комиссіи, въ двѣнадцати большихъ томахъ, заключаютъ сравнительно мало документовъ, прямо касающихся интересующаго вопроса. Значительная часть каждаго тома занята документами, относящимися къ исторіи православной церкви въ Западной Руси; большею частью это фундушевыя записи, то есть дарственныя записи на церкви и монастыри, и безчисленныя тяжбы духовенства различныхъ исповѣданій между собою и съ мірянами, совершавшими нерѣдко наѣзды на церкви, что совершенно естественно въ государствѣ съ военнымъ складомъ и по отношенію къ церкви, потерявшей вліяніе, какова православная въ долгій историческій періодъ тягостнаго польскаго владычества. Столько же мѣста въ Актахъ Виленской Археографической Ко-

миссіи занимаютъ документы, относящіеся къ исторіи шляхетскаго сословія и международнаго состоянія государства. Большею частью это постановленія мѣстныхъ сеймовъ Великаго Княжества Литовскаго и инструкціи депутатамъ, отправляемымъ на главный сеймъ, вѣдавшій общія дѣла Литвы и Польши, затѣмъ идутъ многочисленныя судебныя тяжбы шляхты между собою о разбояхъ и грабежахъ, вооруженныхъ наѣздахъ на имѣнія и другихъ насиліяхъ, обычныхъ въ то время господства шляхетскаго личнаго, необузданнаго произвола. Не мало и комиссарскихъ опредѣленій, судебныхъ постановленій и другихъ актовъ, относящихся къ быту королевскихъ крестьянъ. Довольно многочисленны и разнообразны документы, характеризующіе положеніе въ краѣ пришлаго еврейскаго элемента: тутъ и королевскія привиллегіи, и судебныя опредѣленія по спорамъ евреевъ съ христіанами и между собою и т. д. На долю собственно городскихъ общинъ, какъ онѣ были учреждены и ограждены закономъ, выпадаетъ сравнительно незначительная доля актовъ.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить королевскія привиллегіи на Магдебургское право, опредѣляющія главныя права городскихъ общинъ, далѣе идутъ безчисленные, подтвердительные листы и привиллегіи по жалобамъ гражданъ на притѣсненія, чинимыя имъ, вопреки пожалованнымъ правамъ, королевскими чиновниками и шляхтою, — жалобы эти въ высшей степени интересны, такъ какъ характеризуютъ дѣйствительный юридическій бытъ городскихъ общинъ. Наконецъ, весьма многочисленны жалобы горожанъ на злоупотребленія магистратовъ, городскихъ выборныхъ властей и тяжбы съ евреями.

Разобраться въ матеріалахъ, изданныхъ Виленской Археографической Комиссіей помогаетъ Витебская Старина А. П. Сапунова, въ которой

помѣщено нѣсколько въ высшей степени важныхъ документовъ, опредѣляющихъ права и положеніе Витебской городской общины и уясняющихъ многое, что возбуждаетъ сомнѣніе при пользованіи одними только Актами Виленской Комиссіи.

Въ отрывочномъ и неполномъ матеріалѣ, предлагаемомъ двумя упомянутыми изданіями, трудно оріентироваться безъ руководящей нити; такую руководящую нить даютъ находящіяся у насъ подъ руками изслѣдованія гг. Владимірскаго-Буданова, Антоновича и Бершадскаго.

При изученіи исторіи городовъ Западной Руси нельзя обойти молчаніемъ роль и вліяніе на ихъ юридическое положеніе Магдебургскаго права, которое постепенно охватило всѣ города Литовскаго Княжества. Взгляды на этотъ важный вопросъ гг. Владимірскаго-Буданова и Антоновича значительно расходятся между собою.

Г. Владимірскій-Будановъ поставилъ своею задачею изслѣдовать вліяніе нѣмецкаго права на весь государственный бытъ Литвы и Польши.

По мнѣнію Владимірскаго-Буданова, юридическій объемъ нѣмецкаго права не ограничился предѣлами однихъ городовъ; нѣмецкое право подѣйствовало на весь государственный и соціальный бытъ Литвы и Польши: оно ослабило государственную верховную власть, лишивъ ее большей части финансовыхъ правъ и утвердивъ воззрѣніе, заимствованное изъ области частнаго, гражданскаго права, на судебную и административную власть; оно рѣшительно измѣнило, въ пагубномъ направленіи, бытъ сельскихъ обывателей, ихъ личныя и имущественныя права, разорвавъ историческую связь между государемъ и народомъ; оно создало новое, чуждое славянскому духу, понятіе о городѣ и городскомъ сословіи. Нѣмецкимъ правомъ называлось—освободить землевладѣльца, вмѣстѣ съ его поселенцами,

отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ повинностей, идущихъ въ пользу князя, и освободить землевладѣльца отъ суда княжескихъ чиновниковъ, подчинивъ его непосредственно королю *). Подобный переворотъ Владимірскій-Будановъ находитъ тѣмъ болѣе гибельнымъ въ государственномъ смыслѣ, что съ XIV вѣка поземельная собственность въ Бѣлоруссіи и Литвѣ попала исключительно въ руки шляхтичей-дружинниковъ, слѣдовательно, Литовско-Русское государство, вмѣстѣ съ Польшей, вступило на путь феодализма именно тогда, когда въ Западной Европѣ пѣхота стала замѣнять конницу и феодализмъ началъ замѣтно упадать.

Обративъ все свое вниманіе на дѣйствіе нѣмецкаго права, Владимірскій-Будановъ, приписываетъ именно его гибельному вліянію разложеніе и упадокъ Польско-Литовскаго государства вообще и городскихъ общинъ въ частности. Хотя авторъ обнаруживаетъ въ своей работѣ солидное знакомство съ нѣмецкой исторіею и глубокое пониманіе духа нѣмецкаго права, но выводы его недостаточно убѣдительны. Авторъ слишкомъ много значенія приписываетъ вліянію нѣмецкаго права, и обращаетъ слишкомъ мало вниманія на реальныя историческія отношенія, вызывавшія извѣстный укладъ государственной жизни.

Какъ ни велико въ дѣйствительности могло быть вліяніе Магдебургскаго или нѣмецкаго права на Польско-Литовское государство, можно сомнѣваться, и очень сильно, въ томъ, чтобы одинъ этотъ факторъ имѣлъ силу пересоздать на другихъ началахъ весь строй Рѣчи Посполитой. Въ частности, по отношенію къ городскимъ общинамъ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ Восточной Рос-

*) См. Владимірскій-Будановъ, нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ.

сіи, гдѣ первоначальное положеніе городовъ было совершенно одинаково съ городами Западной Руси, не было вводимо Магдебургское право. Однако, и тамъ подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ, касаться которыхъ здѣсь не мѣсто, городскія общины разложились настолько, что понадобилось Городовое Положеніе, въ связи съ цѣлою массою реформъ, прежде чѣмъ города проявили нѣкоторую самодѣятельность.

Совсѣмъ иной точки зрѣнія и другихъ пріемовъ изслѣдованія придерживается г. Антоновичъ въ своемъ небольшомъ изслѣдованіи, составляющемъ введеніе къ первой части V-го тома Актовъ Юго-Западной Россіи. Онъ рѣшительно отказывается, по недостатку данныхъ, отъ мысли прослѣдить борьбу общинныхъ началъ съ возникающимъ и усиливающимся феодализмомъ, но констатируетъ фактъ, что грамоты князей, жалующихъ городамъ Магдебургское право, свидѣтельствуютъ о совершившемся уже полномъ почти разложеніи общиннаго строя; само Магдебургское право не только не является въ глазахъ г. Антоновича причиною упадка городскихъ общинъ, но, совершенно наоборотъ, замедлило, по его мнѣнію, ихъ паденіе и предотвратило ихъ полное исчезновеніе, хотя и не могло, дѣйствительно, сообщить имъ жизненности и основъ для дальнѣйшаго развитія и процвѣтанія, не могло обезпечить даже имъ дальнѣйшаго существованія въ прежнемъ видѣ, такъ какъ ни городское самоуправленіе, ни развитіе торговой и промышленной дѣятельности не нашли въ Магдебургскомъ правѣ незыблемой гарантіи.

Въ самомъ дѣлѣ, потерявъ сельскіе округи, перешедшіе почти безъ сопротивленія въ владѣніе служилаго сословія, стѣсненныя въ городскихъ стѣнахъ и отказавшись даже въ ихъ предѣлахъ отъ права носить оружіе, общины городскія сохранили до извѣстной степени самостоя-

тельность и самоуправленіе только подъ прикрытіемъ грамотъ, пожалованныхъ имъ на Магдебургское право. Изъ текста самыхъ грамотъ видно, что онѣ до значительной степени возстановили потерянныя уже права горожанъ и что положеніе послѣднихъ во время, непосредственно предшествовавшее пожалованію грамотъ каждому отдѣльному городу, было сравнительно гораздо болѣе стѣсненное, чѣмъ послѣ того, какъ Магдебургское право защитило ихъ хоть нѣсколько отъ самоволія буйной шляхты и старостъ.

Причины упадка городовъ вопреки дарованію имъ нѣмецкаго права, авторъ усматриваетъ въ томъ, что Магдебургское право было пожаловано городскимъ общинамъ съ большими или меньшими ограниченіями въ пользу замка, королевскихъ старостъ или частныхъ владѣльцевъ, а также и въ томъ, что Магдебургское право было чуждо духу юридическихъ понятій городовъ въ Западной Россіи, жившихъ вѣчевыми преданіями. Печальную судьбу Западно-Русскихъ городовъ, авторъ приводитъ въ тѣсную, взаимную связь съ другими сторонами государственной жизни Польско-Литовскаго шляхетскаго строя. Всѣ свои выводы и заключенія г. Антоновичъ основываетъ на фактическомъ матеріалѣ и подтверждаетъ многочисленными ссылками. Воззрѣнія г. Антоновича, по нашему мнѣнію, стоятъ гораздо ближе къ исторической истинѣ, чѣмъ взгляды, проведенные въ монографіи г. Владимірскаго-Буданова. Но и послѣдняя имѣетъ большую цѣну, какъ, хотя и односторонняя, но яркая картина вліянія на политическій бытъ Литвы и Польши одного изъ наиболѣе видныхъ факторовъ, важности котораго никто не станетъ отрицать.

Извѣстно, что Великіе Князья Литовскіе и Польскіе Короли давали городамъ грамоты на Магдебургское право въ надеждѣ оживить торгово-промышленную дѣятельность городовъ, оградивъ

городскія общины отъ произвола и злоупотребленій королевскихъ чиновниковъ и буйной шляхты. На самомъ дѣлѣ эта торговопромышленная дѣятельность городовъ съ теченіемъ времени скорѣе упадаетъ, чѣмъ развивается, при чемъ та часть городского населенія, которой давалось Магдебургское право и которая, по смыслу жалованныхъ грамотъ, должна была составлять городскую общину, то есть христіане, съ теченіемъ времени бѣднѣютъ все болѣе и болѣе и къ концу Польско-Литовской исторіи христіанское населеніе городовъ обратилось къ занятіямъ земледѣльческимъ и отчасти ремесленнымъ, предоставивъ торгово-промышленную дѣятельность еврейству. Такое невыгодное для христіанъ замѣщеніе ихъ евреями, вопреки прямому смыслу и назначенію Магдебургскихъ привиллегій, не могло, конечно, совершиться безъ борьбы и упорнаго противодѣйствія со стороны христіанъ; за спиною евреевъ должна была стоять другая, болѣе могущественная сила, чѣмъ тѣ грамоты на Магдебургское право, которыми старались оградить себя городскія общины отъ посторонняго вмѣшательства въ дѣла общины, отъ обидъ и насилій. Борьба съ еврействомъ проходитъ красною нитью черезъ всю исторію городскихъ общинъ Западной Руси, такъ что безъ изученія роли и положенія еврейства въ городахъ не можетъ быть объяснена правильно ихъ исторія. Поэтому весьма важнымъ подспорьемъ для насъ является изслѣдованіе г. Бершадскаго, о судьбахъ литовско-русскихъ евреевъ, успѣхи которыхъ въ борьбѣ съ христіанами авторъ статей ставитъ въ тѣсную, неразрывную связь съ общимъ ходомъ Польско-Литовской исторіи, при чемъ авторъ высказываетъ мнѣніе, что отчужденность еврейства отъ остальной массы населенія создана въ значительной степени, даже главнымъ образомъ, искусственно, благодаря ошибкамъ законодательства Рѣчи Посполитой, и что эта от-

чужденность принесла прежде всего неисчислимый вредъ самому западно-русскому еврейству; по крайней мѣрѣ его народной массѣ, которая отдана была въ жертву матеріальной и нравственной эксплоатаціи общиннаго еврейскаго кагала, еврейской буржуазіи и фанатическаго духовенства.

И такъ, вопреки распространенному взгляду, что евреи получили преобладаніе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе своего большаго экономическаго развитія и благодаря тѣмъ свойствамъ, которыми они обязаны своему племенному происхожденію и той выработкѣ во время продолжительныхъ скитаній безъ отечества, окончательно отчеканившихъ ихъ нравственную физіономію, закалившихъ ихъ въ чувствахъ ненависти и презрѣнія къ христіанамъ и въ умѣньи скрывать эту ненависть и презрѣніе, сколько нужно, подъ личиною невозмутимаго спокойствія или льстивой угодливости,— вопреки этому распространенному взгляду, г. Бершадскій, на основаніи богатаго, собраннаго имъ, матеріала, приходитъ къ выводу, что успѣхи еврейства обусловливаются какъ общимъ ходомъ исторіи Литовскаго Княжества, такъ въ особенности, мѣрами правительства по отношенію къ евреямъ. Болѣе реальную причину упадка городскихъ общинъ авторъ видитъ въ старостахъ.

Съ подобнымъ безусловнымъ выводомъ трудно согласиться. Общій упадокъ городовъ можно объяснять общими причинами, политикою правительства по отношенію къ еврейству и укладомъ государственнаго строя Рѣчи Посполитой, характеризующагося непомѣрнымъ развитіемъ правъ и преимуществъ одного шляхетскаго сословія въ ущербъ остальнымъ, при чемъ это шляхетское сословіе, отожествивъ себя съ государствомъ, потеряло и матеріальное и нравственное равновѣсіе и, падая, увлекло за собою государство.

Но, кто знаетъ, не пошла ли бы исторія Польши нѣсколько иначе, если бы у шляхты не оказалось такого удобнаго орудія противъ горожанъ, какъ еврейство, покорное шляхетской волѣ, отстаивающее только свои матеріальные интересы; быть можетъ городскимъ общинамъ, сохрани онѣ однородный славяно-литовскій составъ населенія, удалось, вступивъ въ союзъ съ королями, дать отпоръ шляхетскому произволу, съ которымъ и безъ того они ведутъ долгую, хотя безнадежную борьбу. И если даже допустить, что и при отсутствіи евреевъ ходъ исторіи не измѣнился, то отчего же этотъ упадокъ не коснулся одинаково христіанскаго и еврейскаго населенія городскихъ общинъ.

Политика правительства по отношенію къ евреямъ, создавая государство въ государствѣ и городъ въ городѣ, несомнѣнно способствовала разложенію городскихъ общинъ. Не нужно, однако, забывать, что въ теченіе долгаго времени высшее правительство, королевская власть, покровительствовали преимущественно христіанскому населенію, составлявшему собственно городскую общину, огражденную Магдебургскимъ правомъ, а еврейскій элементъ городского населенія разсматривался, какъ пришлый и подлежавшій различнымъ ограниченіямъ. И вотъ, несмотря на это, евреи все больше усиливаются, а христіанскій элементъ, не взирая на энергическія протесты, теряетъ одну позицію за другой.

Это печальное явленіе объясняется, главнымъ образомъ, національными свойствами евреевъ. Довольно развернуть любую страничку изъ исторіи Бѣлоруссіи, чтобы убѣдиться въ этомъ. Со всѣхъ сторонъ несутся жалобы на экономическій гнетъ евреевъ и чинимыя ими обиды и несправедливости. Но евреи всегда умѣли выйти сухими изъ воды, заискивая во власть имущихъ и вообще фактически вліятельныхъ элементахъ. Пока сильна была и могуча королевская власть, евреи, не

заботясь о гнѣвѣ даже шляхты, добивались всячески королевскихъ привиллегій, щедро оплачивая ихъ и являясь выгодными арендаторами королевскихъ имѣній и корчемъ. Но вотъ возвысилась и получила политическое преобладаніе шляхта,—и евреи рѣзко перемѣнили фронтъ. Пусть теперь король посылаетъ въ нихъ свои безсильныя стрѣлы; евреи безопасны теперь подъ охраною всесильныхъ магнатовъ и епископовъ, которые помогаютъ стричь ненавистное и презрѣнное «быдло» и угнетать экономически и нравственно городскихъ «схизматиковъ», то есть православный бѣлорусскій народъ. И евреи смѣются надъ угрозами королей и недовольствомъ городскихъ общинъ.

Несмотря на не совсѣмъ правильную постановку вопроса, трудъ г. Бершадскаго проливаетъ много свѣта на исторію Литовскаго еврейства и его постепенное сплоченіе подъ вліяніемъ разнообразныхъ правительственныхъ мѣръ, объектомъ которыхъ служило еврейство. Опираясь на громадный актовый матеріалъ, сохранившійся объ еврействѣ, которое всегда любило, основываясь на пристальномъ изученіи дѣйствующаго права, прибѣгать къ судамъ и письменнымъ документамъ, г. Бершадскій шагъ за шагомъ слѣдитъ за историческою жизнью Литовскихъ евреевъ. И хотя авторъ, увлеченный изслѣдованіемъ юридическаго и общественнаго положенія евреевъ въ Литвѣ, не обратилъ достаточнаго вниманія на роль, которую евреи сыграли по отношенію къ городскимъ общинамъ, въ составъ которыхъ они входили, но все же изслѣдованіе г. Бершадскаго, по количеству освѣщенныхъ и критически обработанныхъ данныхъ, заслуживаетъ полнаго вниманія и должно быть настольною книгою всякаго, кто серьезно интересуется судьбами Западной Руси. Даже въ изложеніи г. Бершадскаго, путь, которымъ евреи шли къ торгово-промышленному господству и къ по-

давленію христіанскаго населенія городовъ въ высшей степени характеренъ и для нихъ, и для королевской и шляхетской власти, взаимнаго положенія ихъ въ государствѣ.

Отъ анализа научныхъ пособій перейдемъ теперь къ обзору живого историческаго матеріала, заключающагося въ подлежащихъ нашему разсмотрѣнію и оцѣнкѣ древнихъ актахъ, по скольку этотъ матеріалъ относится къ исторіи городовъ Бѣлоруссіи.

Съ присоединеніемъ Западно-Русскихъ земель къ Литвѣ, въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкахъ, положеніе городовъ Бѣлоруссіи стало сильно измѣняться. Прежде эти города находились во главѣ земель, составляли одно неразрывное цѣлое съ тянувшими къ нимъ волостями; въ рукахъ вѣчевыхъ городовъ съ ихъ пригородами сосредоточивалась политическая власть надъ русскою землею, на нихъ лежала обязанность защищать предѣлы земли отъ непріятельскаго вторженія. За исключеніемъ особыхъ княжескихъ имѣній, земля разсматривалась, какъ собственность городскихъ и сельскихъ общинъ, тянувшихъ къ одному главному вѣчу. При слабомъ развитіи промышленности, не было рѣзкой грани между сельскими и городскими обществами, такъ какъ и послѣднія посвящали значительную часть своего труда земледѣлію.

Послѣ присоединенія къ Литвѣ, многое перемѣнилось. Земля стала разсматриваться, отчасти по праву завоеванія, отчасти вслѣдствіе примѣра Литвы, гдѣ раньше сложился военный бытъ, напоминавшій феодальный, какъ собственность Великаго Князя Литовскаго, который уже или оставлялъ ее за прежними владѣльцами или уступалъ своимъ дружинникамъ. Великій Князь и его многочисленные дворяне, литвины и бѣлоруссы, раздѣлили между собою всю территорію, подчинивъ своей непосредственной власти и вліянію осѣвшее на ихъ земляхъ сельское и городское неслужилое

сословіе, обязанное помогать имъ въ достиженіи военныхъ цѣлей. Въ военномъ государствѣ не могла удержаться общинная свобода.

Раньше всего были порабощены и подчинены произволу владѣльцевъ сельскія, земельныя общины, громадное большинство которыхъ осталось въ подчиненіи прежнимъ владѣльцамъ земель или поступило къ новымъ ставленникамъ Великаго Князя Литовскаго, если прежній владѣлецъ оказывалъ сопротивленіе верховенству Литовскаго Князя надъ Бѣлоруссіею. Судьба городовъ была нѣсколько иная. Всѣ города Бѣлоруссіи, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь значительные, послѣ присоединенія бѣлорусскихъ княжествъ къ Литвѣ, перешли въ непосредственное фактическое владѣніе Великаго Князя Литовскаго. Тѣмъ самымъ городскія общины, вмѣстѣ съ принадлежавшими городамъ пустошами и населенными имѣніями, были сразу выдѣлены изъ остальной земли и, взамѣнъ прежняго вліятельнаго положенія,—какъ центровъ политической жизни бѣлорусскаго народа,—поступили въ вѣдѣніе княжескихъ войтовъ (судей), старостъ (градоначальниковъ) и воеводъ (комендантовъ городскихъ крѣпостей). Нечего и говорить, что княжескіе чиновники сильно тѣснили горожанъ, привыкшихъ къ совершенно иному укладу государственной и земской жизни. И городскія общины употребляли громадныя усилія, пробуя отстаивать хоть свою внутреннюю самостоятельность отъ произвола чуждыхъ княжескихъ чиновниковъ, но это удавалось имъ мало. Въ новыхъ условіяхъ государственной жизни, потерявъ прежнее политическое значеніе, городскія общины не могли сохранить своихъ старыхъ правъ и обычаевъ въ неприкосновенности, не могли дать отпора могущественнымъ княжескимъ слугамъ.

Неудивительно поэтому, что князь и его чиновники обращали городскія общины постепенно

въ состояніе, близкое къ крѣпостному праву. За пользованіе землею, которая разсматривалась теперь, по обычаямъ и понятіямъ Литовскимъ, какъ собственность Великаго Князя, горожане обязаны были отбывать натуральныя повинности, напримѣръ, толоку. Даже браки были нерѣдко подчиняемы регламентаціи, такъ что приходилось выхлопатывать у Великихъ Князей особыя привиллегіи на право горожанъ вступать въ браки по своему свободному желанію, безъ вмѣшательства со стороны княжескихъ властей. Такова любопытная привиллегія Александра отъ 1503 года.

Послѣ присоединенія Бѣлоруссіи къ Литвѣ и соединенія Литовско-Русскаго государства съ Польшей, въ бѣлорусскихъ и литовскихъ земляхъ установился странный порядокъ, напоминающій древній періодъ господства Франковъ въ Галліи. Именно въ Бѣлоруссіи образовались многочисленные разряды лицъ, политическія и гражданскія права которыхъ опредѣлялись ихъ національнымъ происхожденіемъ и вѣроисповѣданіемъ. Для поляковъ, для литовцевъ, для нѣмцевъ, для бѣлоруссовъ и малоруссовъ,—существовали особыя, совершенно различныя, постановленія, напримѣръ, различная подсудность по гражданскимъ дѣламъ и различныя права по землевладѣнію. Наибольшею полнотою правъ со времени соединенія Литвы съ Польшею, пользовались, понятно, поляки и католики. Но и тутъ существовала громадная разница между литовскимъ полякомъ,—то есть полонизованнымъ и окатоличеннымъ литвиномъ и и бѣлоруссомъ,—и выходцемъ изъ Царства Польскаго, по тогдашнему выраженію, изъ Короны. Только мѣстнымъ уроженцамъ Литвы было доступно,—по законамъ страны и союзному договору съ Польшей,—занятіе должностей, соединенныхъ съ землевладѣніемъ, и пожалованіе отъ Великаго Князя Литовскаго выморочныхъ дворянскихъ имуществъ.

Смѣшеніе разнородныхъ обычаевъ, господствовавшихъ внутри общинъ, такъ называемаго нѣмецкаго, польскаго, литовскаго и русскаго права еще больше усложняли и запутывали дѣло, давая поводъ къ постоянному вмѣшательству въ дѣла общины княжескимъ чиновникамъ. При такихъ условіяхъ города достигли крайней степени упадка; торговля и промышленность, не обезпеченныя твердымъ и положительнымъ закономъ, въ виду упадка самоуправленія падали и сокращались.

Заинтересованные процвѣтаніемъ городовъ доставлявшихъ въ былое время въ казну значительныя денежныя средства, а также ростомъ городскихъ поселеній, необходимыхъ для охраны, сооруженія и поддержанія въ исправности многочисленныхъ замковъ и крѣпостей, — Великіе Князья Литовскіе стали выдавать городамъ привиллегіи на Магдебургское право, имѣвшее обезпечить права и преимущества городскихъ общинъ противъ посягательствъ шляхетскаго сословія и княжескихъ чиновниковъ и дать гарантію для спокойнаго и успѣшнаго развитія торговли и промысловъ.

При дарованіи Магдебургскаго права, большею частью по просьбамъ самихъ жителей городовъ, во владѣніе городскихъ общинъ, какъ юридическихъ лицъ, въ совмѣстное пользованіе, и во владѣніе отдѣльныхъ домохозяевъ, въ личное пользованіе, обыкновенно жаловались тѣ участки земли, которые имъ удавалось ко времени пожалованія сохранить за собою, при чемъ нерѣдко оказывалось, что часть земли, находившейся въ распоряженіи гражданъ, пріобрѣтена ими покупкою отъ различныхъ владѣльцевъ, успѣвшихъ разными способами захватить въ свои руки остальныя земли городскихъ общинъ. При недостаткѣ земельныхъ угодій у горожанъ Великіе Князья жалуютъ имъ прибавочные земельные участки, чаще всего сѣножати (сѣнокосы), и входъ

въ княжескія, впослѣдствіи королевскія, пущи, входъ обезпечивавшій городамъ свободное пользованіе строевымъ и дровянымъ лѣсомъ для собственныхъ надобностей. Поэтому земля, подлежавшая городской юрисдикціи, распадалась на общинную и на участки личнаго владѣнія. Какую долю относительно составляли тѣ и другіе, рѣшить трудно, по отсутствію какихъ либо опредѣленныхъ указаній.

Такъ, напримѣръ, мѣстечку Песчатикѣ, пригороданіи королемъ Михаиломъ въ 1670 г. подтвердительной грамоты на привиллегію, дарованную королемъ Сигизмундомъ Старымъ (со времени соединенія Литвы съ Польшей, нужно замѣтить, къ королямъ польскимъ перешли права Великихъ Князей Литовскихъ), Песчатикѣ, кромѣ Магдебургскаго права даются два застѣнка, одинъ —пріобрѣтенный на средства гражданъ *). Въ 1568 г. король Сигизмундъ-Августъ даетъ мѣстечку Ломазамъ право брать безплатно дерево изъ королевской пущи **). Городъ Гродно получилъ отъ короля Александра право на входы въ пущу подъ Прутцами, разрѣшеніе пользоваться лѣсомъ для отопленія и построекъ изъ означенной пущи ***). Въ 1562 г. король Сигизмундъ-Августъ, по просьбѣ городской общины, отводитъ ей въ пользованіе двѣ съ половиною уволоки (уволока—двадцать десятинъ) сѣножати и присоединяетъ къ городу за Неманомъ участокъ съ селитьбами, опредѣляя за такое приращеніе земельныхъ угодій увеличеніе повинностей ****). Въ привиллегіи Великаго Князя Литовскаго Александра г. Гроднѣ на Магдебургское право, читаемъ: „Даемъ, кромѣ того, въ

*) См. Акты Вил. Арх. Коммиссіи. т. IV, 1670 г., № 254.
**) Тамъ же №, 315.
***) См. А. В. А. К., т. VII, 1506 г., 3.
****) См. А. В. А. К., т. VII, 1562 г., ст. 16.

распоряженіе властей этого города всѣ вообще пустыри въ городѣ, годные для заселенія, то есть пустыя еврейскія усадьбы (по случаю временнаго изгнанія евреевъ изъ Литвы Александромъ), и, если понадобится, угодья за Неманомъ. Жителей позволяемъ облагать чиншемъ по волѣ и распоряженію городскихъ старшинъ, или бурмистровъ, или войта... Даемъ также всѣмъ жителямъ означеннаго города часть луга, на которомъ можетъ пастись ихъ скотъ *)

Переходя къ разсмотрѣнію состава населенія западно-русскихъ городовъ, замѣчаемъ, что, судя по грамотамъ на Магдебургское право, городское населеніе должно было состоять, за исключеніемъ замковаго уряда, то есть военныхъ властей и чиновниковъ, исключительно изъ мѣщанъ, подчиненныхъ Магдебургской юрисдикціи, и, слѣдовательно, должно было отличаться единообразіемъ состава и единствомъ интересовъ.

Такое стремленіе законодателя къ установленію единообразнаго состава населенія объясняется совершенно естественнымъ опасеніемъ, что, поселившись въ городѣ, шляхта вступитъ, во имя своихъ интересовъ и своего шляхетскаго своеволія, въ борьбу съ горожанами, безсильными съ тѣхъ поръ, какъ ихъ разъединили съ землею; опасеніемъ что, надѣленная широкими политическими и личными правами, шляхта станетъ употреблять во зло свое вліяніе на представителей княжеской власти, заставляя ихъ, въ угоду себѣ, забывать о самыхъ насущныхъ нуждахъ и потребностяхъ государства. Подобное опасеніе, какъ мы увидимъ далѣе, совершенно основательное и было причиною той готовности, съ которою Великіе Князья Литовскіе, замѣтивъ упадокъ городовъ, выдавали городскимъ общинамъ привиллегіи на Магде-

*) См. А. В. А. К., т. VII. 1496. Ср. Витеб. Старина, ст. 37.

бургское право, поступаясь нерѣдко даже интересами фиска.

Въ огражденіе городскихъ общинъ отъ шляхетскаго самоуправства, въ грамотахъ постановляется, что въ городахъ допускается проживаніе только тѣхъ шляхтичей, которые добровольно согласятся подчиняться городской Магдебургской юрисдикціи, то есть, суду и управленію мѣщанъ. Иначе шляхтичу дозволялось проживать въ городѣ только короткій срокъ, когда онъ заглядывалъ сюда по уважительнымъ причинамъ, по какому либо дѣлу. Грамоты настойчиво повторяютъ, что лица благороднаго происхожденія, князья и шляхта, облеченныя разными преимуществами и, между прочимъ, право носить оружіе, должны, поселившись въ городѣ, подчиняться Магдебургской юрисдикціи. Такъ, въ подтвердительной привиллегіи, выданной королемъ Сигизмундомъ III г. Пружанамъ, читаемъ: „тѣ шляхтичи, которые имѣютъ въ г. Пружанахъ свои владѣнія, по отношенію къ этимъ владѣніямъ подлежатъ городской юрисдикціи и „городскому суду“ *). Въ жалованной грамотѣ короля Сигизмунда III Витебску на Магдебургское право, читаемъ, между прочимъ: „какъ и прежде было, князьямъ, панамъ, шляхтѣ мѣщанъ своихъ не вольно въ Витебскѣ имѣть: бо многими юрисдикціями и зверхностями мѣста нищѣютъ“... и далѣе, что шляхта, осѣвшая уже въ Витебскѣ (съ согласія гражданъ) и имѣющая поселиться въ будущемъ, обязана подчиняться мѣстной юрисдикціи и выполнять всѣ повинности, наравнѣ съ гражданами **).

Однако, какъ видно изъ грамотъ, шляхтичамъ удавалось обходить законъ съ помощью особыхъ личныхъ привиллегій. Такъ въ привиллегіи королевы Боны Гроднѣ относительно городского благо-

*) См. А. В. А. К., т. V, 1589, ст. 56; перев. съ польскаго.
**) Витеб. Стар., ст. 37.

устройства, указывается, что городскіе шляхтичи должны только тогда подчиняться городской юрисдикціи, когда не ограждены спеціальными привиллегіями *). Что такія привиллегіи часто давались сильнымъ людямъ, противъ которыхъ и безъ того трудно было бороться горожанамъ, не имѣвшимъ права въ мирное время носить оружія и занятымъ ежедневнымъ трудомъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ жалованная грамота Сигизмунда Витеблянамъ, въ которой король обязуется, въ 1597 году, никому не выдавать привиллегій на поселеніе въ городѣ Витебскѣ, освобождающихъ отъ мѣстной юрисдикціи **).

Стремленія цѣлаго ряда Великихъ Князей Литовскихъ и польскихъ королей охранить и защитить городскую общину отъ постороннихъ могущественныхъ элементовъ, старавшихся обратить всѣ выгоды городской жизни въ свою пользу, а всѣ тягости ея устранить отъ себя и возложить на другихъ,—эти благородныя стремленія не увѣнчались успѣхомъ.

Ограниченія городского самоуправленія, которыя были сдѣланы въ пользу старостъ, оставшихся и въ городахъ, надѣленныхъ Магдебургскимъ правомъ съ обширнымъ кругомъ власти,—въ должности сборщиковъ государственныхъ податей съ горожанъ и комендантовъ крѣпостей, наблюдавшихъ за исправленіемъ и поддержкою послѣднихъ,—что лежало на обязанности городскихъ общинъ,—эти ограниченія дали мѣсто и поводъ для самыхъ разнообразныхъ и обширныхъ злоупотребленій со стороны шляхты и старостъ, предоставленною старостамъ совершенно въ иныхъ цѣляхъ властью. Осаживаясь въ городахъ, нерѣдко безъ согласія на то городскихъ общинъ, шлях-

*) См. А. В. А. К., 1541, ст. 12.
**) См. Вит. Стар., ст. 37.

та прибѣгала подъ покровительство и защиту старосты, назначавшагося всегда изъ дворянъ, и находила у него естественное покровительство и помощь своимъ неправымъ притязаніямъ, особенно въ ту пору, когда непомѣрно возвысилось государственное значеніе шляхетскаго сословія, въ ущербъ королевской власти, и королевскимъ чиновникамъ даже опаснымъ стало раздражать своею несговорчивостію сильныхъ и вліятельныхъ представителей благороднаго шляхетства.

Вопреки прямому и точному смыслу привиллегій на Магдебургское право, шляхта поселила въ городахъ своихъ собственныхъ многочисленныхъ мѣщанъ изъ мѣстечекъ и крестьянъ изъ имѣній, и эти новые городскіе поселенцы, прикрываясь шляхетскими вольностями и привиллегіями своихъ господъ, уклонялись отъ подчиненія юрисдикціи магистрата и несенія разнообразныхъ городскихъ повинностей, занимаясь въ то же время, безданно-безпошлинно, городскими ремеслами и торговлею. Съ теченіемъ времени, укрѣпившись въ городахъ, шляхта и королевскіе сановники завели даже въ городахъ свои собственные суды и расправы для своихъ городскихъ подданныхъ.

Объ этомъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ изданный въ 1664 году универсалъ Яна Казиміра всему воеводству Витебскому, данный по жалобѣ Витебскаго магистрата и мѣщанъ на то, что дворяне и сановники, имѣя въ своемъ владѣніи не малое число дворовъ, домовъ, плацовъ и городовъ на территоріи городской общины, исключаютъ изъ подсудности ратушѣ хозяевъ и крѣпостныхъ людей своихъ, проживающихъ на городскихъ земляхъ, которые, пользуясь правами, свободою и преимуществами, занимаются ремеслами, ведутъ разнаго рода торговлю, наравнѣ съ другими мѣщанами; устроивъ въ своихъ дворахъ и домахъ разные суды и частныя расправы, обращаютъ въ свою пользу

доходы съ городскихъ земель; наконецъ, защищаютъ своихъ подданныхъ, мѣщанъ и крестьянъ, отъ доставленія провіанта на гарнизонъ и отъ другихъ городскихъ повинностей. Король подтверждаетъ упомянутымъ универсаломъ, чтобы всѣ граждане города Витебска (то есть, всѣ лица, поселившіяся на постоянное жительство въ городѣ), принадлежали къ ратушѣ и несли всѣ повинности *). Въ другомъ подобномъ универсалѣ король Янъ Казиміръ настаиваетъ, чтобы Витебскій замокъ исправляли всѣ безъ исключенія граждане и чтобы всѣ вѣдомства содержали людей, составляющихъ постоянный гарнизонъ крѣпости **). Въ военное время, какъ извѣстно, все городское населеніе, способное носить оружіе, становилось подъ городскія знамена и обороняло крѣпости, если только безопасность послѣднихъ не дозволяла тому или другому городскому ополченію выступить въ поле.

Не малый ущербъ для однородности состава городского населенія и равноправности жителей представляло также духовное вѣдомство, особенно многочисленные католическіе монастыри и церкви, пользовавшіеся всякими льготами и содѣйствіемъ могущественнаго шляхетства, стремившіеся и успѣвшіе, подобно сановникамъ свѣтскимъ и панамъ—шляхтѣ, изъять находящіяся во владѣніи монастырей и церквей городскія недвижимости,—а также и лицъ, занимающихъ на арендномъ или другомъ правѣ ихъ дома, дворы, лавки и земли въ городѣ,—изъ подъ юрисдикціи мѣстнаго магистрата. Ради достиженія всѣхъ этихъ преимуществъ и цѣлей, католическіе монастыри и церкви нерѣдко исхлопотывали у королей для себя особыя исключительныя привиллегіи. Города, конечно,

*) См. Вит. Стар., стр. 75.
**) См. Вит. Стар., стр. 75.

боролись съ притязаніями монастырей и духовенства, но, какъ видно изъ документовъ, сила брала верхъ надъ правомъ.

Собственно городское населеніе, подчиненное выборной магистратской юрисдикціи, распадалось на двѣ обширныя группы: купечество и ремесленниковъ, по преимуществу членовъ различныхъ цеховъ. Существовалъ еще особый и, повидимому, довольно численный классъ мѣщанъ, занятыхъ исключительно хлѣбопашествомъ, чуждавшихся ремеслъ, торговли и промысловъ; но о судьбѣ этого класса мы не находимъ въ актахъ достаточно подробныхъ и точныхъ свѣдѣній.

Въ виду того ущерба, который наносили городскимъ промысламъ и торговлѣ, шляхта и монастыри, внѣдрявшіе въ самое лоно городскихъ общинъ посторонніе паразитные элементы, въ родѣ помѣщичьихъ и монастырскихъ крѣпостныхъ или, еще того хуже, чужеяднаго еврейства; въ виду притѣсненій, чинимыхъ городскому населенію самимъ магистратомъ, очень часто измѣнявшимъ интересамъ городской общины во имя шляхетскаго идеала, столь заманчиваго для многихъ вліятельныхъ и облеченныхъ властью элементовъ городской общины,—рядовые члены ея, купцы и ремесленники, пытались охранить свои законные интересы, соединяясь въ особыя замкнутыя организаціи. И разумѣется, это гораздо легче достигалось богатымъ купечествомъ, чѣмъ простымъ ремесленнымъ людомъ.

Какой силы и значенія достигало мѣстами купечество видно изъ акта миролюбивой сдѣлки, заключенной въ 1665 году между Виленскимъ магистратомъ и купечествомъ: «Во всѣхъ спорахъ, —читаемъ мы тамъ *),—должно магистрату и ку-

*) См. А. В. А. К., т. X, 1665 г.

ческой думѣ слѣдовать постановленіямъ Магдебургскаго права, а за отсутствіемъ таковыхъ,— руководиться предписаніями естественнаго права, здраваго смысла. Для упорядоченія городскихъ дѣлъ необходимо выработать опредѣленныя правила и рамки для дѣятельности магистрата и купеческой думы, такъ чтобы магистратъ отнынѣ управлялъ городомъ не по своему усмотрѣнію и произволу, какъ было до сихъ поръ, но вмѣстѣ съ купеческою думою и всѣмъ народомъ». И такъ, виленское купечество съумѣло усмирить грозный для ремесленниковъ магистратъ и добилось прямого участія въ городскомъ управленіи и хозяйствѣ. Само собою разумѣется, что далеко не всюду купечество обладало тѣми силами и вліяніемъ, какія даетъ богатство. Однако, во многихъ городахъ мы встрѣчаемъ купеческія думы, дѣйствовавшія, правда, подъ руководствомъ магистрата, но за то пользовавшіяся обязательнымъ содѣйствіемъ городскихъ властей всюду, гдѣ того требовали интересы купечества.

Впрочемъ, о роли купечества въ городской жизни находимъ мало данныхъ въ разсматриваемыхъ актахъ. Зато чрезвычайно многочисленны документы, относящіеся къ цеховымъ ремесленникамъ; эти документы сгруппированы въ десятомъ томѣ Актовъ Виленской Археографической Комиссіи. Мастера всевозможныхъ отраслей ремесленнаго труда соединялись въ цехи, братчины, чтобы общими силами отстаивать свою личную, національную, религіозную и экономическую самостоятельность. Цехи находились въ прямомъ подчиненіи у магистрата, игравшаго по отношенію къ нимъ роль руководящаго и контролирующаго органа.

Наконецъ, въ городахъ Бѣлоруссіи обособленное среди прочихъ элементовъ населенія положеніе заняло еврейство, права котораго въ основныхъ чертахъ опредѣлены были еще привиллегіей

Великаго Князя Литовскаго Витовта, выданной евреямъ въ 1388 году. Въ силу этой привиллегіи, евреи, въ дѣлахъ между ними и иновѣрцами, изъяты изъ юрисдикціи магистрата и подчинены суду старосты; подобное изъятіе обезпечило евреямъ безнаказанное нарушеніе самыхъ основныхъ правъ городской общины.

Не входя въ обсужденіе мотивовъ, вызвавшихъ упомянутую нами выше знаменитую привиллегію Великаго Князя Литовскаго Витовта евреямъ, приведемъ нѣкоторые ея характерные пункты.

„За пенези рухаючій,—читаемъ въ привиллегіи,—альбо въ иншой речи, которая се тычець послуги жидовское, напротивко жидове не маетъ христіанинъ свѣдчиць, съ жидомъ христіанинъ маетъ быти допущенъ, а въ рѣчи альбо учинку фальшивомъ, тогды маетъ быти свѣдчими двѣми жиды и двѣми христіаны, и безъ вшелякаго откладеня... Тежъ если бы хрестьянинъ нагабалъ жида о заставу, которая бы ему была черезъ злодѣйство, альбо черезъ кгвалтъ взята,—на тую истинную заставу жидъ маетъ присягнути, яко не вѣдалъ, коли ему то вкрадено, альбо кгвалтомъ взято, своею слушною присягою очищатися маетъ, якъ ему тая застава въ якой цѣнѣ заставлена есть, а такъ жидъ очистившися присегою своею, тогды хрестьяненъ маетъ половину лифы платити, которая была ему до того часу примножила. Тежъ если бы жидъ черезъ упадъ, пожогъ, альбо злодѣйство, або черезъ кгвалтъ речи свои заставныя погубилъ, а хрестьянинъ, который заставилъ ему, а въ томъ бы его нагабалъ, жидъ своею власною присегою будетъ очищенъ... *Если бы хрестьянинъ жиду нѣкоторую рану задалъ, яко винный, таковой маетъ вину заплатити чимъ маетъ, намъ челомъ бити, а ранному маетъ досыць учинити подлугъ рань его, яко шляхтичу...* Жаднъ жидъ не маетъ присегати на книги Моисеевой, только о великой речи, которая бы была

о пятьдесятъ утвенъ сер. литою, альбо будетъ тотъ жидъ позванъ передъ насъ, а о меньшія речи маютъ присегати предъ школою на ихъ двору.“ *)

Изъ приведенной грамоты видно, какой радушный пріемъ встрѣтили евреи въ Литвѣ, когда нахлынули сюда массами изъ Германіи. Передъ старостинскимъ судомъ христіанинъ безсиленъ относительно еврея, если не запасся хоть однимъ свидѣтелемъ противъ еврея изъ евреевъ же, на что, при извѣстной кагальной сплоченности еврейства, понятная вещь мало было шансовъ; за раны, нанесенныя еврею, христіанинъ отвѣчаетъ, какъ за раны, нанесенныя шляхтичу... Да и во все теченіе Польско-Литовской исторіи евреи пользовались, въ сравненіи съ остальнымъ не шляхетскимъ населеніемъ, громадными привиллегіями. Кромѣ освобожденія отъ военной службы, которую несло остальное сельское и городское населеніе, евреи,—какъ это видно и изъ приведенной выше грамоты были надѣлены болѣе широкими личными правами, чѣмъ даже граждане свободныхъ королевскихъ городовъ, надѣленныхъ Магдебургскимъ правомъ.

Тогда какъ горожане, въ военное время поставлявшіе въ войска пѣхоту и обязанные защищать отъ непріятеля городскія крѣпости, въ мирное время не пользовались правомъ носить при себѣ оружіе, евреи, свободные отъ воинской повинности, несмотря на то и вопреки всякой справедливости и здраваго смысла, имѣли право въ мирное время ходить при саблях **).

Такимъ образомъ, еврей, отказываясь обнажать мечъ противъ враговъ государства и власти, покровительствовавшей его, добился права упо-

*) См. А. В. А. К, т. V, ст. 465.
**) См. Бершадскій, Литовскіе евреи, стр. 411.

треблять оружіе для своей личной безопасности и преобладанія, потому что въ тогдашнія безправныя времена именно съ помощью сабли можно было добиться многаго.

Далѣе, за убійство еврея полагалось такое же взысканіе какъ за убійство благороднаго шляхтича *). Недостаточно того, въ актахъ болѣе выдающіеся евреи называются панами, что до Люблинской уніи было въ Бѣлоруссіи и Литвѣ не маловажнымъ титуломъ, такъ какъ въ то время подъ именемъ пановъ разумѣлись члены королевской рады и вообще высшіе чины государственной администраціи **). Мы видимъ даже, что раввинъ брестскій Мендель Франкъ называется королевскимъ чиновникомъ, „урядникомъ", что въ самой столицѣ государства Вильнѣ, намѣстникъ Виленскій назначаетъ однимъ изъ двухъ своихъ замѣстителей еврея Шмойлу Израелевича ***). Затѣмъ, хотя евреи обыкновенно не входили въ составъ членовъ городскихъ общинъ и не пользовались, повидимому, къ своей невыгодѣ, защитою Магдебургскаго права, но и это обращалось къ ихъ вящшей выгодѣ, освобождая ихъ отъ несенія тяжелыхъ городскихъ повинностей, между тѣмъ какъ, хоронясь за спиною могущественныхъ іезуитовъ и католическаго духовенства вообще, королевскихъ воеводъ, старостъ и сильныхъ пановъ въ частности, вступая въ экономическій союзъ съ богатыми городскими монастырями, евреи пользовались рѣшительно всѣми выгодами и преимуществами городской жизни, вопреки протестамъ и безсильному сопротивленію христіанскихъ цеховъ получая доступъ къ ремесламъ, кредиту и торговлѣ. И подобное привиллегированное фактически положеніе въ городахъ евреи со-

*) См. Док. и Рег., т. I, № 289; II, № 339.
**) См. Бершадскій, Литовскіе евреи, стр. 411.
***) См. Док. и Рег., т. II, № 226.

храняли вплоть до паденія польскаго владычества въ Бѣлоруссіи и Литвѣ.

Любопытно прослѣдить ростъ и усиленіе еврейскаго элемента въ Витебскѣ. Въ жалованной грамотѣ отъ 1597 года,—короля Сигизмунда III Витебскимъ мѣщанамъ на Магдебургское право прямо и категорически сказано: жидове тежъ въ томъ мѣстѣ нашемъ Витебскомъ ніякихъ осѣдлостей водлугъ давного звычаю мѣти не мають *). Однако, черезъ нѣсколько времени евреи проникли въ Витебскъ и настолько укрѣпились въ немъ, что воевода Витебскій, князь Сангушко, въ 1630 году позволяетъ имъ построить въ городѣ божницу **). Въ привиллегіи Короля Владислава IV, данной въ 1633 году Витебскимъ евреямъ, читаемъ уже: вслѣдствіе принесенія намъ просьбы отъ имени Витебскихъ жидовъ и по особому предстательству передъ нами сенаторовъ и чиновъ нашихъ о томъ, чтобы мы ненарушимо оставили ихъ, Витебскихъ жидовъ, при тѣхъ же правахъ и льготахъ, которыми они пользуются, проживая въ городѣ Витебскѣ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, мы, согласно ходатайству сенаторовъ и чиновъ нашихъ, оставляемъ помянутыхъ Витебскихъ жидовъ вполнѣ и ненарушимо при правахъ и льготахъ, указанныхъ въ генеральной грамотѣ нашей (данной всему вообще еврейству Бѣлоруссіи и Литвы). Сверхъ сего, дозволяемъ имъ въ томъ же городѣ Витебскѣ покупать дома и плацы и свободно распоряжаться ими, съ тѣмъ, чтобы за таковые исполняли они, гдѣ будетъ слѣдовать, обычную повинность. Личныя же права ихъ всецѣло поручаемъ власти и правосудію превосходительнаго воеводы. Что все утверждая за Витебскими жидами, мы принимаемъ ихъ подъ нашу

*) См. Вит. Стар., т. I, № 37.
**) См. Вит. Стар., т. I, № 133.

королевскую защиту и покровительство. А чтобы, при всемъ томъ, спокойствіе (какая нѣжная заботливость!) ихъ не нарушалось, и чтобы они ни отъ кого не терпѣли безправія и насилій, то за симъ обязаны и должны будутъ наблюдать Витебскіе гродскій и городской суды, ради милости нашей и обязанности своей *).

Привиллегія Короля Яна III, данная Витебскимъ евреямъ въ 1679 году, еще болѣе расширяетъ ихъ права и преимущества, въ ущербъ законнѣйшимъ и насущнѣйшимъ интересамъ Витебской городской общины. „Они (евреи) не записываются ни въ какіе цехи, къ которымъ они принадлежать не должны, читаемъ въ грамотѣ, а чтобы нашъ городъ Витебскъ въ торговыхъ и купеческихъ оборотахъ не приходилъ въ упадокъ, а, напротивъ, производя таковые, пріобрѣталъ и сохранялъ свое приращеніе, мы даемъ имъ, жидамъ, льготу въ семъ городѣ вести разнаго рода торговлю... заниматься ремесломъ и имѣть цирюльниковъ. Они (евреи) не должны быть привлекаемы ни въ какой неподлежащій судъ; подсудны же они должны быть, въ силу правъ и привиллегій, одному лишь воеводѣ и, въ порядкѣ апелляціонномъ, судамъ нашимъ (королевскимъ) задворнымъ и ассесорскимъ“ **). Какъ широко воспользовались этою привиллегіею Витебскіе евреи, видно изъ грамоты того же Короля Яна III воеводѣ Витебскому Храповицкому; въ этой грамотѣ Король, вслѣдствіе жалобы Витебскихъ мѣщанъ на уклоненіе различныхъ духовныхъ и свѣтскихъ вѣдомствъ, а въ особенности еврейства, отъ несенія бремени государственныхъ податей и повинностей, приказываетъ воеводѣ наблюдать за тѣмъ, чтобы и евреи несли общія

*) См. Вит. Стар., т. I, № 135.
**) См. Вит. Стар. т. I, № 139.

городскія повинности и тягости *). Но не далѣе, какъ черезъ четыре года, Витебскіе евреи успѣли съ помощью, очевидно, своихъ обычныхъ пріемовъ, лжи и денегъ, выхлопотать у Короля Казиміра приказъ Яну Сапѣгѣ, гетману Великаго Княжества Литовскаго, о томъ, что Витебскіе евреи не должны нести никакихъ расходовъ на содержаніе войска **). Какъ солоно приходилось Витебску отъ подобныхъ льготъ евреямъ, видно изъ крайне поучительнаго акта союза, заключеннаго магистратомъ и всѣмъ городомъ Витебскомъ между собою въ 1757 году.

„Мы, вышепоименованныя лица, — читаемъ въ этой интересной запискѣ,—по долгу службы нашей, желаемъ предупредить разныя *неблаговидныя привычки, безчинства и преступленія жидовъ* и другихъ стороннихъ лицъ, господствующія во всемъ городѣ и ведущія оный къ большому упадку, чтобы намъ не погибнуть при крайнемъ разореніи города, посему, для защиты города, приступаемъ къ взаимному между собою союзу... отъ такихъ худыхъ обыкновеній, правилъ, безчинствъ и всякихъ преступленій (которыя почти постоянно терпимъ отъ нашихъ жидовъ и разныхъ лицъ) общими силами одинъ другого защищать... о захватѣ городскихъ плацовъ, земель и домовъ подъ защитою разныхъ вѣдомствъ и объ ограниченіи разныхъ льготъ города, о лишеніи христіанъ всякихъ способовъ торговли и угнетеніи ихъ, о пріобрѣтенныхъ въ нашемъ городѣ домахъ, плацахъ, осѣдлости, о захватѣ въ немъ лучшихъ мѣстъ, о скрываніи краденнаго имущества и о выправленіи, какъ идетъ худая молва, привиллегій противъ магистрата, какъ съ каждымъ такимъ лицомъ, такъ равно и съ цѣлымъ кагаломъ

*) См. Вит. Стар., т. I, № 89.
**) См. Вит. Стар., т. I, № 140.

Витебскихъ жидовъ, коснѣющихъ въ большой злобѣ и упрямствѣ, вмѣстѣ съ защитниками и покровителями ихъ, какъ съ нарушителями и насильниками правъ, мы постановили вездѣ судиться и искать возстановленія права... дружно, смѣло и твердо, не измѣняя другъ другу, мы всѣ въ лицѣ одного и одинъ изъ насъ въ лицѣ всѣхъ отнынѣ обязаны и должны будемъ, общимъ коштомъ и всякимъ расходомъ нашимъ, весь кагалъ Витебскихъ жидовъ, равно какъ и другихъ постороннихъ лицъ, безъ всякаго разбора и безъ всякой проволочки, надлежащимъ порядкомъ тотчасъ вызывать и привлекать къ всякой расправѣ, во всякій судъ и правительственное учрежденіе, и тамъ окончательно расправляться съ ними. Постановляемъ также избрать изъ своей среды директора или управляющаго нашимъ союзомъ *).

Этотъ краснорѣчивый документъ, полагаемъ, не нуждается въ комментаріяхъ. Героическія усилія Витебской городской общины, направленныя единственно къ возстановленію и охранѣ правъ общины, нарушенныхъ различными посторонними лицами, въ особенности евреями, показываютъ только, какъ велики должны были быть эти нарушенія, чтобы вызвать со стороны городской общины, рѣшимость на подобныя крайнія мѣры, обезпеченныя со стороны всѣхъ выдающихся гражданъ взносомъ въ городскую казну трехсотъ талеровъ штрафного залога, на случай уклоненія отъ принятыхъ на себя добровольно тяжелыхъ обязанностей **). Само собою разумѣется, что только такіе большіе торговые и военные центры, какъ Витебскъ, способны были развивать подобную силу отпора неправымъ еврейскимъ притязаніямъ и своеволію шляхты и другихъ силь-

*) См. Вит. Стар., т. I, № 142, Срвн. А. В. А. К., т. V, ст. 422, 465, 466. 474, 7; т. VII, ст. 10, 18, 54; т. VIII, ст. 69, 160, 122.

**) См. Вит. Ст., т. I, № 142.

ныхъ лицъ, и что масса мелкихъ городскихъ общинъ совершенно погибла жертвою паразитизма евреевъ.

Обозрѣвъ составъ и характеръ населенія въ городахъ Бѣлоруссіи и Литвы, перейдемъ теперь къ изученію внутренней организаціи и внутренняго быта самой городской общины, насколько это позволяютъ имѣющіяся у насъ подъ руками скудныя данныя. Подобная задача по отношенію къ городамъ Бѣлоруссіи и Литвы не легко выполнима; причина этому лежитъ въ томъ, что если гдѣ, то именно здѣсь проявлялось съ особенною силою несовпаденіе писаннаго права съ обычными правовыми нормами и юридическимъ самосознаніемъ широкихъ народныхъ массъ. Надѣленные Великими Князьями Литовскими Магдебургскими учрежденіями, городскія общины вовсе не считали нужнымъ изучать нѣмецкое право, вызвавшее къ жизни эти учрежденія, а видѣли въ нихъ единственно внѣшнюю гарантію своей внутренней общинной свободы, насколько она могла сохраниться и существовать при измѣнившемся укладѣ государственной жизни и все возраставшемъ самовластіи военнаго шляхетскаго сословія.

По смыслу жалованныхъ грамотъ на Магдебургское право, прежнее вѣчевое равенство членовъ городской общины, свободное общинное самоуправленіе, въ которомъ каждый былъ активнымъ членомъ, и общинный судъ,—должны были смѣниться выборными чиновниками, состоящими по большей части, подъ контролемъ постороннихъ общинѣ властей, и выборными постоянными судьями, подчиненными, въ высшей инстанціи, суду короля или даже старостъ. Городскія общины, напротивъ, стремились влить въ чуждыя нѣмецкія формы присущій славянамъ духъ

общинной солидарности, насколько то допускала самая организація новыхъ общинныхъ властей.

Привиллегіи на Магдебургское право показываютъ на тѣ полномочія, которыми законодательная власть облекала городскія общины для охраны и развитія въ извѣстной мѣрѣ городского самоуправленія, и тѣ границы, которыя она ему поставила.

Во главѣ городскихъ общинъ, по жалованнымъ грамотамъ на Магдебургское право, долженъ былъ стоять войтъ, избранный королемъ изъ шляхтичей; но, впослѣдствіи, въ виду полнаго несоотвѣтствія шляхетскихъ воззрѣній интересамъ и міровоззрѣнію самихъ горожанъ, городскимъ общинамъ удалось, за исключеніемъ меньшинства слабосильныхъ и находившихся въ особыхъ условіяхъ городовъ,—купить у королей войтовство, то есть право избранія войта изъ своей среды.

Кромѣ войта, во главѣ городскихъ общинъ были поставлены слѣдующія выборныя власти: рада, то есть городской совѣтъ; судъ бурмистровскій и лавничій. Впрочемъ, сказать что-либо вполнѣ опредѣлительное и положительное о составѣ этихъ коллегій и порядкѣ ихъ избранія, о кругѣ ихъ вѣдомства и характерѣ дѣятельности, — весьма трудно, по отсутствію вполнѣ точныхъ данныхъ, хотя отрывочныя свѣдѣнія объ этихъ новыхъ общинныхъ властяхъ и ихъ назначеніи разсѣяны во множествѣ жалованныхъ грамотъ на Магдебургское право; ясно одно только, что и сама законодательная власть не дала себѣ труда сколько нибудь основательно ознакомиться съ тѣмъ правомъ, которое стремилось сдѣлать дѣйствующимъ въ городскихъ общинахъ, и весьма смутно сознавала различіе между создаваемыми вновь выборными коллегіями.

Наиболѣе подробныя указанія по этому предмету находимъ въ привиллегіи на Магдебургское

право, данной въ 1581 году Пинску. Согласно этой привиллегіи, коллегіи радцевъ и бурмистровъ состоятъ изъ членовъ, избираемыхъ на короткій сравнительно срокъ, то на одинъ, то на три или четыре года, а коллегія лавниковъ избирается пожизненно. Рада завѣдывала городскимъ благоустройствомъ, она вырабатывала и узаконяла *велкеръ*, то есть сводъ мѣстныхъ постановленій, обязательныхъ для горожанъ; бурмистровскій судъ вѣдалъ дѣла гражданскія; сравнительно многочисленная коллегія лавниковъ вѣдала, подъ предсѣдательствомъ войта, всѣ уголовныя дѣла.

Это раздѣленіе административной и судебной власти было настолько неясно для сознанія городскихъ общинъ, что рада, опираясь на свои относительно широкія права, нерѣдко становилась, подобно коллегіи лавниковъ, независимымъ отъ городской общины почти учрежденіемъ изъ несмѣняемыхъ членовъ и даже присвоила себѣ право назначать новыхъ своихъ членовъ, на мѣсто умершихъ старыхъ. Эта могущественная корпорація дѣйствовала корыстно, сосредоточивая искусственно власть въ рукахъ своихъ членовъ и близкихъ имъ лицъ,—а если принять во вниманіе, что, въ силу грамотъ, половина членовъ рады должна была состоять изъ католиковъ, то есть изъ нѣмцевъ, поляковъ или изъ полонизованныхъ бѣлоруссовъ и литвиновъ, то совершенно естественнымъ и понятнымъ станетъ то странное на первый взглядъ явленіе, что въ большинствѣ городовъ Бѣлоруссіи, эта выборная, всетаки, коллегія является орудіемъ католицизма и полонизма, попирая національныя права бѣлорусскихъ городскихъ общинъ и подавляя православную вѣру—вѣроисповѣданіе большинства *).

---

*) См. А. В. А. К., т. IV, 1645 г.; т. VII, ст. 54; ст. I, т. VIII ст. 110, т. IV, ст. 254.

Несмотря на все это, Магдебургское право, всетаки, обезпечивало нѣсколько городскія общины противъ покушеній на ихъ самостоятельность и благосостояніе воеводъ старостинскаго уряда и пановъ шляхты, давая городамъ Бѣлоруссіи нѣкоторую возможность организоваться въ нѣчто цѣлое и сообща отстаивать свои интересы. Это видно, между прочимъ, изъ того обстоятельства, что сами города просятъ пожалованія имъ грамотъ на Магдебургское право. Такъ, даже Витебскъ, городъ пограничный, при томъ самая значительная крѣпость Рѣчи Посполитой, надѣленный поэтому издавна особенно обширными льготами и преимуществами, находившій всегда, вслѣдствіе стойкой храбрости во время войны его жителей и ихъ богатства, защиту и поддержку у высшихъ сановниковъ королевства, испрашиваетъ однако у короля грамоты на Магдебургское право, и это въ 1597 г., то есть двѣсти лѣтъ спустя послѣ того какъ Магдебургское право было даровано впервые Ягайлою Бресту (1390 г.), въ ту пору, слѣдовательно, когда изъ примѣра другихъ городовъ, вынужденныхъ гораздо раньше прибѣгнуть къ той слабой защитѣ, которую давало имъ нѣмецкое право, Витебляне могли наглядно убѣдиться въ дѣйствіи и вліяніи, какое оказывало это право на городской бытъ.

„Славутные мѣщане конные, посельскіе и все посполство мѣста нашего Витебскаго,—читаемъ въ жалованной грамотѣ короля Сигизмунда III Витебскимъ мѣщанамъ, отъ 1597 года, на Магдебургское право,—маючи зъ давныхъ часовъ великіе вольности отъ продковъ нашихъ, королей ихъ мости Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ, имъ наданые, а не маючи только права Майдебурского и *будучи подъ присудомъ замку нашого тамошняго,* не могли къ досконалому порядку и розширеню того мѣста нашого прывести и размножити; и били намъ господару челомъ, вси огуломъ, черезъ посланцовъ

своихъ, абы есмо для лѣпшого размноженя того мѣста украинного и въ немъ порядку, прикладомъ продковъ нашихъ, вызволившы ихъ отъ вшелякой владзы и зверхности вряду воеводскаго замковаго и иншыхъ врядовъ земскихъ; право Майдеборгское имъ надали и привилеемъ нашимъ утвердили... За чимъ тежъ зособливоѣ ласки нашой господарской,... тое мѣсто Витебское и всихъ огуломъ обывателевъ мѣста тои въ мѣстѣ и на предмѣстю и въ фольваркахъ по селамъ мѣшкаючыхъ, со всѣми ихъ добрами, подданными, маетностю и належностями, съ права земского князства Литовскаго, отъ всякое юриздикцыи и моцы судовъ головныхъ трибунальныхъ, также змоцы всихъ воеводъ Витебскихъ и змоцы иншихъ всякихъ воеводъ, каштеляновъ, старостъ, державцовъ, врядовъ земскихъ и иншихъ преложеныхъ, и дѣцкихъ выймуемъ и вылучаемъ и вѣчнѣ вызволяемъ, и поддаемъ ихъ праву и суду Майдеборскому и уставляемъ то, ижъ мѣщанъ мѣста Витебскаго нихто иншый судити и владзы надъ ними мѣти не будетъ, только войтъ самъ сполне съ бурмистрами, райцами и лавниками, водлугъ способу и порядку права Майденборскаго... А естли бы ся кому кольвекъ судъ вряду мѣстского съ крывдою быти видѣлъ, таковому каждому вольно будетъ до насъ господара и до потомковъ нашыхъ за дворомъ апеллевати... А ижъ пререченое мѣсто наше Витебское, съ давныхъ часовъ, одъ продковъ нашыхъ, межы иншими вольностями и то обваровано маетъ, же княземъ, паномъ, шляхтѣ мѣщанъ своихъ вмѣстѣ Витебскомъ не вольно мѣти, тогды и мы, яко при всихъ вольностяхъ, такъ и при томъ правѣ ихъ въ цѣлости зоставуючи, утвержаемъ и вѣчными часы мѣти хочемъ... А когды бы который шляхтичъ, одъ вышшого домнѣйшого стану заровно въ томъ почитаючи, осѣлость въ мѣстѣ Витебскомъ, або на предмѣстью набылъ, тогды съ тою осѣлостью не иншому, але тому праву и юриздыкціи вряду

мѣсткого тамошняго во всемъ подлегати, и всякія повинности заровно со всими обывателями выконывати повиненъ будетъ“ *).

Разсматривая содержаніе жалованныхъ грамотъ на Магдебургское право, видимъ, что онѣ пріостановили начавшееся уже закрѣпощеніе городскихъ общинъ; почти всѣ грамоты содержатъ прямое указаніе на освобожденіе горожанъ отъ толоки, съ установленіемъ взамѣнъ ея поземельнаго чинша, и отъ натуральныхъ повинностей въ пользу замковаго уряда. „Людей ремесленныхъ отъ работы замковой вольными чинилъ“, гласитъ Витебская жалованная грамота **. „Всѣхъ жителей города нашего Гродны освобождаемъ разъ навсегда отъ ежегодной работы на насъ, называемой толокой“, читаемъ въ привеллегіи на Магдебургское право, данной Гроднѣ Великимъ Княземъ Литовскимъ Александромъ ***). Помимо того, при дарованіи Магдебургскаго права, городскія общины освобождались отъ многихъ государственныхъ податей и повинностей; общими остаются лишь налогъ на спиртные напитки, поземельный чиншъ, да починки мостовъ и содержаніе въ исправности крѣпостей ****).

Въ этихъ новыхъ Магдебургскихъ учрежденіяхъ, вопреки жалованнымъ грамотамъ, которыя говорятъ объ освобожденіи городовъ отъ дѣйствія Литовскаго, Русскаго и всякаго другого права и о замѣнѣ ихъ правомъ нѣмецкимъ *****), примѣнялось, по мѣрѣ возможности, обычное право городскихъ общинъ, какъ это, признается, наконецъ, и правительствомъ ******).

---

*) См. Вит. Стар., т. I, № 37.
**) См. Вит. Стар., т. I, № 37.
***) См. А. В. А. К., т. VII, ст. I.
****) См. Вит. Стар., т. I, № 37; См. А. В. А. К., т. VII, ст, I, ст. 10, 15, ст, 18, т. VIII, ст. III, т. IV ст. 254.
*****) См. А. В. А. К., т. VII, ст. I.
******) См. А. В. А. К, т. VII, ст. 12.

И раньше, до дарованія Магдебургскаго права, въ городахъ дѣйствовало обычное право, даже въ болѣе чистой формѣ, но проявленіе его стѣснялось и искажалось, при отсутствіи организованной силы и власти на сторонѣ горожанъ; мѣщанамъ приходилось смиряться и раболѣпствовать передъ буйнымъ и безцеремоннымъ рыцарствомъ, опиравшимся на замковый урядъ и острую саблю, которую горожанамъ не дозволялось обнажать въ мирное время. Съ момента пожалованія Магдебургскихъ учрежденій городскія общины получаютъ въ свое распоряженіе самостоятельные, подчиненные исключительно королю, органы власти, облеченные широкими административными и судебными полномочіями, начинаютъ ощущать подъ ногами новую точку опоры, взамѣнъ связи съ утраченной землею, сельскимъ населеніемъ, въ лицѣ короля, какъ представителя новой государственности. Но эта новая точка опоры была слаба и ненадежна для развитія общинной самодѣятельности и свободы, какъ по отсутствію у польскихъ королей опредѣленной и твердой государственной программы, такъ и по той простой причинѣ, что власть самихъ польскихъ королей, —единственныхъ защитниковъ и покровителей угнетаемыхъ городскихъ общинъ Бѣлоруссіи,— постепенно падала, умалялась и сокращалась.

Кромѣ магистратскихъ учрежденій, въ городахъ Бѣлоруссіи существовали еще особыя, санкціонированныя законодателемъ общественныя организаціи, представлявшія отдѣльныя самоуправляющіяся группы городского населенія. Цехи и братства,—такъ назывались эти союзныя организаціи,—охватывая представителей отдѣльныхъ отраслей ремесленнаго производства,—преслѣдовали однако не одни экономическіе интересы своихъ членовъ, но также религіозные и національные; поэтому-то упомянутыя организаціи и назывались безразлично и цехами, и братствами. По-

видимому, всякое коллегіальное учрежденіе, представлявшее и охранявшее интересы той или другой группы членовъ городской общины, на тогдашнемъ языкѣ могло носить названіе братства. Такъ, въ Актахъ Виленской Археографической Комиссіи говорится, напримѣръ, о невзиманіи чоповаго съ братствъ: бурмистровскаго и родецкаго, купеческаго, кожемяцкаго, шапочнаго, роськаго *).

„Якъ вписанные, такъ и невписанные въ братство,—читаемъ въ уставѣ цехового скорняжскаго братства въ г. Вильнѣ,—не маютъ се отъ судовъ ихъ (братскихъ) отзывати, ани жадное помочи зъ урядовъ своихъ на то собѣ брати, одно муситъ въ томъ братствѣ каждому право достояти, и розсудку ихъ братскаго послушенъ быть“ **).

Города надѣлялись Магдебургскимъ правомъ и Магдебургскими учрежденіями по почину самихъ королей, дѣйствовавшихъ въ государственныхъ цѣляхъ и интересахъ; цехи возникали самостоятельно, по иниціативѣ самихъ ремесленниковъ, пробовавшихъ съ помощью этихъ организацій отстоять свои личныя, имущественныя, религіозныя и національныя права отъ посягательствъ со стороны различныхъ вѣдомствъ,—духовныхъ и свѣтскихъ,—магнатовъ, евреевъ и даже самого магистрата, въ которомъ, какъ мы выяснили раньше, преобладали иновѣрные и иноплеменные элементы, нерѣдко покушавшіеся, въ союзѣ съ измѣнившими народному дѣлу городскими патриціями, на самыя святыя права городскихъ общинъ Бѣлоруссіи.

Въ восьмомъ томѣ Актовъ читаемъ подъ 1595 годомъ жалобу священника Виленской Рождественской церкви, что на предмѣстьи Россѣ, Дементія Бобринскаго на протопопа Пречистен-

*) См. А. В. А. К., т. X, ст. 3, 69.
**) См. А. В. А. К., т. X, ст. 1, 1538 года.

скаго собора и ратушныя власти, по поводу отнятія и закрытія ими вышеупомянутой церкви, насильственнаго захвата церковнаго имущества и устраненія его самого отъ священнической должности. По сему предмету здѣсь же находится посвидѣтельствованіе вознаго (пристава) и протестъ православныхъ Роськихъ Прихожанъ.

„А мы дей, — говорится въ этомъ любопытномъ протестѣ, — если митрополита слушать не хотимъ, и но дей то чинимъ для того, ижъ отецъ митрополитъ благословенство старшихъ пастыровъ своихъ, светѣйшихъ патріарховъ кгрецкихъ, зъ иншыми владыками своими, отступилъ и подъ благословенство папежа Римскаго поддался. Про то дей, якось мы ся перво сего протестовали, такъ и теперь съ тымъ ся освѣтчаемъ, ижъ митрополита теперешняго до того часу за пастыря мѣти не хочемъ, покуль его милость, водлугъ повинности своее, соборъ духовный зложитъ, и себе передъ всею церковью съ того отщепенства очиститъ“ *).

Въ какой мѣрѣ защита попираемыхъ католиками правъ православной церкви вызывалась крайнею необходимостью, оправдывавшею и всякія экстраординарныя мѣры и пріемы, въ родѣ злополучнаго убіенія Іосафата Кунцевича, показываютъ, между прочимъ, показанія свидѣтелей, шляхты и Виленскихъ мѣщанъ, по дѣлу о нападеніи студентовъ Виленскаго іезуитскаго коллегіума на Свято-Духовскій православный Виленскій монастырь. Согласно этимъ показаніямъ, студенты іезуитскаго коллегіума съ оружіемъ ворвались въ церковь во время самаго служенія, толкали людей, кололи шпильками панямъ и паннамъ по устамъ, по носу, по ушамъ, по пальцамъ, потирали руками, „слова невстыдливыя мовили“; вмѣ-

*) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 9.

стѣ со множествомъ католиковъ—ремесленниковъ напали на братскій коллегіумъ, разбивали окна, двери и крышу, челядь школьную и слугъ церковныхъ поранили *). Упомянутыя показанія свидѣтелей были закрѣплены старостой, для предъявленія ихъ на сеймѣ. Далѣе въ томъ же 1598 году, къ которому относятся эти показанія, Виленскому православному Свято-Духовскому братству приходится искать у властей защиты противъ Сапѣги, завладѣвшаго насильственно братскимъ домомъ **).

Но враги русской народности и православной вѣры не давали покоя этому знаменитому въ лѣтописяхъ бѣлорусской исторіи братству. Подъ 1601 годомъ читаемъ протестацію сенаторовъ, рыцарства и всѣхъ братчиковъ Виленскаго Свято-Духовского братства противъ Виленскаго магистрата, незаконно позвавшаго братство въ задворный королевскій судъ для неподлежащаго ему разсмотрѣнія законности братскихъ привиллегій ***). Подъ 1610 годомъ находимъ листъ короля Сигизмунда Ш обывателямъ Великаго Княжества Литовскаго, *воспрещающій продажу и куплю русскихъ книгъ Виленской Свято-Духовской типографіи, подъ опасеніемъ грознаго штрафа въ 50.000 червонцевъ* ****). Въ томъ же году король приказалъ Виленскому войту и магистрату: закрыть типографію Св.-Духовскаго Братства, сжечь нѣкоторыя книги и заключить въ тюрьму авторовъ, корректоровъ и наборщиковъ *****).

Впрочемъ, Виленскій магистратъ не всегда состоялъ изъ клевретовъ іезуитизма и полонизма; по временамъ магистратскія учрежденія пополня-

---

*) См. А. В. А. К., т. VIII. ст. ст. 13, 14, 15.
**) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 16.
***) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 20.
****) См. А. В. А. К, т. VIII, ст. 44.
*****) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 45 и слѣдующія: 47, 48, 52, 55, 70, 92.

лись лицами, горячо преданными русской народности и православной вѣрѣ. Подъ 1609 годомъ встрѣчаемъ жалобу королю русской лавицы Виленскаго магистрата на архимандрита Рутскаго, по поводу незаконнаго завладѣнія имъ, иновѣрцемъ, Свято-Троицкимъ монастыремъ въ Вильнѣ *). Противъ этого насилія русская лавица Виленскаго магистрата протестуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „ижъ што они, панове бурмистрове и рада лавицы русское и *и съ человѣкомъ посполитымъ мѣстскимъ религіи кірецкое* маютъ права и привилеи, ижъ безъ воли и вѣдомости, позволенья ихъ, жаденъ архимандритъ тое церкви и монастыря свѣтое Тройцы заѣзджати и въ моцы, а держаньи своемъ мѣти не можетъ“ **).

На защиту Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря возсталъ было и православный архимандритъ Сенчилла, которому удалось было добиться отъ главнаго Литовскаго трибунала возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ и взысканія съ отступника Рутскаго и Кіевскаго митрополита, извѣстнаго Ипатія Поцѣя, 10.000 польскихъ злотыхъ; но это постановленіе главнаго Литовскаго трибунала было отмѣнено листомъ короля Сигизмунда III ***).

Если короли Польскіе, подъ вліяніемъ іезуитскихъ внушеній, попирали установленный законъ и справедливость, то не больше правосудія и защиты могли добиться православные у шляхетныхъ сеймовъ, какъ то показываетъ жалоба земянина (землевладѣльца) Вериковскаго на земянина Нарбута, по поводу недопущенія ему послѣднимъ говорить на сеймѣ объ обидахъ и притѣсненіяхъ

---

*) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 32, ср. ст. 33.

**) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 40. Сравни слѣдующія статьи: 34, 38, 39.

***) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 42.

Виленской Свято-Духовской православной церкви *).

Въ виду невозможности найти защиту своимъ правамъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, граждане употребляли всѣ старанія къ тому, чтобы подчинить *посполитству* (общинѣ) магистратъ, сдѣлать его изъ врага защитникомъ, и это имъ удавалось по временамъ всюду въ Бѣлоруссіи.

Такъ, подъ 1663 годомъ читаемъ протестъ Евейскаго игумена Савича и братчиковъ Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря противъ Виленскаго войта и обѣихъ лавицъ Виленскаго магистрата по поводу попранія правъ, дарованныхъ королевскими привиллегіями лавицѣ православныхъ, именно, незаконныхъ выборовъ на мѣста лавниковъ лицъ уніатскаго и лютеранскаго исповѣданія, вопреки древней привиллегіи, что магистратъ долженъ состоять изъ двухъ лавицъ— православной и католической **). Но всего черезъ пять лѣтъ, подъ 1668 годомъ, встрѣчаемъ упоминальный листъ короля Яна Казиміра Виленскому магистрату, по жалобѣ уніатскаго митрополита, Коленды на Виленскій магистратъ, что онъ притѣсняетъ унитовъ во время выборовъ на цеховыя мѣста; король предписываетъ магистрату воздерживаться отъ такого образа дѣйствій, такъ какъ король лично желаетъ больше искорененія схизмы, нежели преслѣдованія уніи ***). Подъ 1697 годомъ находимъ протестацію Базиліанскаго (уніатскаго) прокуратора Олешевскаго отъ имени митрополита (уніатскаго) Леона Залѣсскаго противъ Виленскаго магистрата по поводу назначенія магистратомъ на мѣста цеховыхъ старшинъ православныхъ мѣщанъ, вмѣсто уни-

---

*) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 49, сравни ст. 59, 60, 61.
**) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 63.
***) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 67.

товъ. Дѣло заключалось въ томъ, что Коленда выхлопоталъ у короля Михаила рескриптъ, по которому дизуниты (православные) и диссиденты лишены были правъ на старшинство въ цехахъ, подъ страхомъ пени въ 1.000 копъ за несоблюденіе этого правила. Но Виленскій магистратъ, несмотря на вторичное подтвержденіе королемъ новаго правила, не привелъ его въ исполненіе, и въ цехахъ сапожниковъ и портныхъ оставлены были старшинами дизуниты. Протестація по этому дѣлу была принята, но прежнее постановленіе осталось въ силѣ а апелляціи магистратъ не допустилъ *).

Изъ жаркаго защитника народныхъ правъ, какимъ онъ является въ концѣ XVII вѣка, Виленскій магистратъ, къ концу XVIII вѣка, подчиняясь шляхетской тенденціи, становится замкнутою и своекорыстною кастою, какъ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ жалоба королю на магистратъ, принесенная въ 1776 году, отъ имени всей Виленской городской общины по слѣдующимъ поводамъ: лица, засѣдающія въ магистратѣ, получаютъ свои мѣста, какъ бы по наслѣдству, отъ отцовъ къ дѣтямъ. Пользуясь этимъ исключительнымъ условіемъ, они открыли рядъ многочисленныхъ и вопіющихъ злоупотребленій противъ всякихъ правъ и привиллегій. Такъ, они обращаютъ на свои нужды всѣ городскіе доходы; раззоряютъ всѣ городскія имѣнія; продаютъ ихъ, закладываютъ или присваиваютъ себѣ, и крестьянъ отдаютъ въ приданное своимъ родственникамъ. Вслѣдствіе такихъ злоупотребленій многіе изъ горожанъ обнищали и какъ нищіе шатаются по городу; другіе же обращены въ крѣпостныхъ крестьянъ магистратскихъ лицъ и публично практикуются ихъ холопами **).

---

*) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 72. Сравни ст. ст. 73 и 86.
**) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 212.

Въ виду религіозныхъ и національныхъ тенденцій, какія проникали цеховыя организаціи, не разъ эти организаціи воспрещались польскими королями, по ходатайству ревнителей католицизма и полонизма въ Бѣлоруссіи; однако, въ виду настоятельной необходимости дать ремесленникамъ какое-нибудь оружіе для охраны ихъ правъ и интересовъ, подвергавшихся постояннымъ угрозамъ и опасностямъ, короли вынуждены были уступать общему теченію, и вскорѣ послѣ введенія Магдебургскаго права въ Бѣлоруссіи, мы находимъ во всѣхъ городахъ ея безчисленное количество цеховъ всякаго рода. Въ концѣ концовъ, короли перестаютъ сопротивляться и свободно даютъ привиллегіи на основаніе новыхъ цеховъ, надѣясь путемъ цеховой организаціи ремесленнаго производства содѣйствовать упорядоченію и процвѣтанію городскихъ промысловъ.

Въ грамотѣ короля Августа III Витебску на открытіе солодовареннаго, пивовареннаго и винокуреннаго цеховъ читаемъ: „Какъ добрый порядокъ въ обществѣ человѣческомъ, при которомъ украшаются города и возрастаетъ польза государства, составляетъ дѣло огромной важности, такъ, напротивъ, среди безпорядковъ, всѣ дѣла, хотя бы то наибольшаго значенія, приходятъ въ замѣшательство и разстройство, а такъ какъ братства и цехи, равно и другія благоустроенныя общества, имѣютъ въ себѣ ту особенность, что лица, къ нимъ принадлежащія, находятся между собою въ должномъ сообществѣ и отправляютъ въ согласіи и порядкѣ всѣ дѣла и занятія, лежащія на ихъ обязанности, то посему, желая видѣть добрый порядокъ, какъ въ другихъ цехахъ ремесленныхъ, такъ не менѣе и въ цехѣ солодоваренномъ, пивоваренномъ и винокуренномъ, и склоняясь на усильную просьбу нашихъ Витебскихъ мѣщанъ и всѣхъ братчиковъ этихъ упомянутыхъ цеховъ (**слѣдовательно цехи возникли самостоятельно**), находящихся нынѣ въ Витебскѣ, дозволяемъ, въ силу

настоящей нашей привиллегійной грамоты, и даруемъ право упомянутымъ солодоварамъ, пивоварамъ и винокурамъ имѣть свой цехъ и братства"... *).

Сличая многочисленные цеховые привиллегіи и уставы, собранные главнѣйше въ десятомъ томѣ Актовъ Вил. Археогр. Комиссіи, находимъ, несмотря на крайнее разнообразіе этихъ привиллегій и цеховыхъ уставовъ въ частностяхъ, слѣдующія общія и главенствующія черты.

Цехи самостоятельно завѣдуютъ своими дѣлами, но находятся подъ юрисдикціей магистрата, которому прямо подчинены по дѣламъ, касающимся всей городской общины, а по внутреннимъ дѣламъ цеха магистратъ представляетъ апелляціонную инстанцію, къ нему должны обращаться цехи за содѣйствіемъ въ борьбѣ противъ ослушниковъ и нарушителей цеховыхъ постановленій **).

Для охраны своихъ интересовъ и обезпеченія общихъ цѣлей, цеховое общество каждаго ремесла избираетъ ежегодно четырехъ старшинъ, иногда и меньше, не спускаясь, однако, ниже двухъ старшинъ, которые и завѣдуютъ всѣми текущими дѣлами. Во всѣхъ почти цеховыхъ уставахъ устанавливаются общія періодическія собранія членовъ цеха, мастеровъ и товарищей, обязанныхъ, подъ угрозою штрафа, являться на засѣданіе для обсужденія общихъ дѣлъ и ознакомленія съ своими правами и обязанностями ***). По истеченіи года выбранные старшины должны были давать гласный отчетъ цеховому обществу ****).

На обязанности старшинъ лежитъ пріемъ новыхъ членовъ, собираніе и расходованіе на нужды

---

*) См. Вит. Стар., т. I, ст. 103.
**) См. А. В. А. К., т. X, ст. 35.
***) См. А. В. А. К., т. X, ст. 6.
****) См. А. В. А. К., т. X, ст. 1.

братства цеховыхъ доходовъ, наблюденіе за доброкачественностью работы мастеровъ даннаго цеха, разбирательство споровъ, возникающихъ между членами даннаго цеха по вопросамъ ихъ ремесла съ правомъ апелляціи недовольной стороны къ магистрату, наконецъ, заступничество и представительство цеховыхъ передъ магистратомъ и другими учрежденіями *).

Старшины сами, въ свою очередь, должны были иногда склоняться передъ волею всего цеха и даже, за неисполненіе своихъ обязанностей, подвергались наказанію, по опредѣленію всего братства **).

Споры между различными цехами разбирались магистратомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, состоявшееся въ 1751 году опредѣленіе Виленскаго магистрата, обозначившее кругъ работъ кузнеческаго и слесарнаго цеховъ, вслѣдствіе несогласій, возникшихъ между кузнецами и слесарями относительно предметовъ ихъ ремесла ***). Еще яснѣе свидѣтельствуетъ объ этомъ данная въ 1552 году королемъ Сигизмундомъ Августомъ привиллегія Виленскому магистрату на право учрежденія цеховыхъ обществъ съ тою цѣлью,—какъ объяснено въ привиллегіи,—чтобы городъ Вильна, по примѣру другихъ магдебургскихъ городовъ, заводилъ у себя цеховыя братства, чтобы занятія ремеслами совершались по правиламъ и съ вѣдома магистрата, чтобы этимъ правиламъ строго подчинялись всѣ вообще мастеровые, къ какой бы юрисдикцѣ они ни принадлежали. ****). Само собою разумѣется, что наблюденіе за выполненіемъ различными цехами установленныхъ для ихъ дѣятельности правилъ не могло принадлежать никому

*) См. А. В. А. К., т. X, ст. 15.
**) См. А. В. А. К., т. X, ст. 20.
***) См. А. В. А. К., т. X, ст. 32.
****) См. А. В. А. К., т. X. ст. 35.

иному, какъ только самому магистрату, санкціонировавшему эти правила.

На дѣйствія магистрата цеха могли жаловаться въ королевскій асессорскій судъ, какъ то показываетъ характерная жалоба, принесенная въ упомянутый судъ въ 1765 году старшинами нѣмецкой національности слесарскаго и кузнечнаго цеховъ на римско-католическаго цехмистра Бальчевскаго и Виленскій магистратъ, по поводу злоупотребленій и притѣсненій, допускаемыхъ ими по отношенію къ истцамъ: магистратъ, весь состоящій изъ родичей, къ которымъ принадлежитъ и Бальчевскій, всегда произноситъ судебныя постановленія къ явному вреду истцовъ; Бальчевскій же со своими сторонниками производитъ раздоры и несогласія между цеховыми, вслѣдствіе чего цехи пришли къ окончательному упадку и члены ихъ разбѣжались по разнымъ мѣстамъ. Кромѣ этого, Бальчевскій, въ качествѣ цехового старшины, завладѣлъ имуществомъ подмастерьевъ и не только не захотѣлъ сложить съ себя достоинства, по требованію цеха, но, поддерживаемый магистратомъ, подвергъ аресту и тюремному заключенію протестовавшихъ мастеровъ. Несмотря на то, что виленскій воевода принялъ участіе въ дѣлѣ истцовъ, тѣмъ не менѣе они терпятъ по прежнему притѣсненія (такова, значитъ, была въ это время сила католическаго фанатизма) и принуждены жаловаться въ королевскій асессорскій судъ *).

Помимо своей главной, экономической задачи — содѣйствія успѣху и процвѣтанію ремесленной производительности опредѣленнаго братства, цехи преслѣдовали и другія весьма важныя цѣли, религіозныя, національныя и благотворительныя. Одну изъ важнѣйшихъ обязанностей цеховыхъ братствъ составляла помощь членамъ цеха въ тяжкія минуты

*) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 142.

жизни, въ родѣ смерти или болѣзни одного изъ цеховыхъ; кромѣ того, цехи должны были наблюдать за исправнымъ вооруженіемъ всѣхъ братчиковъ, входившихъ, какъ извѣстно, въ составъ городской пѣхоты. Обо всѣхъ этихъ сторонахъ дѣятельности цеховъ сохранились многочисленныя указанія *).

Подобно ремесленникамъ, и купечество искало спасенія отъ насилій сильныхъ людей и обезпеченія своихъ интересовъ, организуясь въ отдѣльную общественную группу. Въ городахъ существовали особыя купеческія думы, объ организаціи, составѣ и способѣ дѣйствія которыхъ сохранилось, впрочемъ, мало свидѣтельствъ **).

Ремесленники стремились обезпечить за собою монополію производства, купечество—торговли.

Наиболѣе подробныя и опредѣленныя указанія на предметы вѣдомства и организацію купеческихъ думъ находимъ въ грамотѣ короля Августа III, данной въ 1738 году на открытіе въ Витебскѣ купеческой думы.

„Объявляемъ сею привиллегіею нашею,—читаемъ въ упомянутой грамотѣ,—всѣмъ и каждому, кому бы о томъ вѣдать надлежало, что принесена намъ сенаторами и чинами, при насъ состоящими, просьба и челобитная отъ Витебскихъ мѣщанъ и купцовъ, подданныхъ нашихъ, о томъ, что въ купечествѣ и торговлѣ ихъ нѣтъ никакого порядка, потому что *прибылые отовсюду люди, поселясь на земляхъ разныхъ вѣдомствъ въ городѣ*, предмѣстьяхъ и за городомъ, равно какъ и пріѣзжіе, ведя всякую торговлю, воловую, водную и портовую; а также въ лавкахъ, *не подчиняются вѣдомству и суду городскому*, и не хотятъ платить надлежащихъ податей Рѣчи Посполитой и городскихъ повинностей въ

*) См. А. В. А. К., т. X, ст. 3, 8, 11, 14, 15, 17, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 28, 30.

**) См. А. В. А. К., т. X, ст. 62; см. Вит. Стар., т. I, ст. 104.

ратушу. Вслѣдствіе этого, старожилы Витебскіе мѣщане и купцы, въ городскомъ вѣдомствѣ состоящіе, дошли до большой нищеты и гибели, такъ что, по причинѣ частаго раззоренія и опустошенія огнемъ большей части города и вслѣдствіе разныхъ другихъ потерь, ведя притомъ торговлю безъ должнаго порядка и лада,—не въ состояніи выполнять платежа податей Рѣчи Посполитой. А посему покорно просили, чтобы мы привиллегіею нашею соизволили дать и назначить купеческую думу съ тѣмъ, чтобы ни одинъ мѣщанинъ, не приписавшійся къ купеческой думѣ, и не принесшій присяги, не смѣлъ торговать и продавать, подъ страхомъ лишенія товара, — одной половины на насъ, а другой въ пользу Витебскаго магистрата и купеческой думы. А такъ какъ они притомъ представили уставъ, столь необходимый для установленія купеческихъ порядковъ и собраній, то мы, по тщательномъ разсмотрѣніи, приняли таковой и, за утвержденіемъ нашимъ, выдали имъ для всегдашняго и безпрепятственнаго употребленія какъ нынѣ, такъ и въ послѣдующія времена" *).

Главныя правила устава Витебской купеческой думы были слѣдующія. Во главѣ думы стоятъ восемнадцать старшинъ, избираемыхъ пожизненно такимъ порядкомъ, чтобы по шести старшинъ засѣдали въ думѣ черезъ каждые три года, а вмѣсто умершихъ или выбылыхъ по другимъ причинамъ, избирались взамѣнъ ихъ новые, которые по рангу считаются младшими. Общихъ купеческихъ собраній должно быть четыре въ году, а старшіе купцы засѣдаютъ въ думѣ еженедѣльно два раза, во вторникъ и четвергъ. Купцовъ, стоящихъ внѣ магдебургскаго права, старшины обязаны устранять, съ помощью магистрата; наблюдать за выполненіемъ

*) См. Вит. Стар., т. 1, ст. 104.

установленныхъ для торговли правилъ со стороны купцовъ, подчиненныхъ магдебургскому праву; ремесленникамъ никакой торговли не дозволять. Если бы кто захотѣлъ торговать въ лавкѣ, долженъ вкупиться въ книгу купеческой думы, иначе не дозволять такой торговли. Фальшивые вѣсы и мѣры обнаруживать и за таковые наказывать.

Интересно взглянуть, въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою состояли эти три общественныя организаціи, представлявшія собою всю городскую общину въ Бѣлоруссіи, и какое вліяніе они оказывали на бытъ населенія и складъ жизни въ городахъ Бѣлоруссіи.

Первенствующее, выдающееся положеніе занималъ магистратъ, въ рукахъ котораго сосредоточивались важнѣйшія функціи: отправленіе уголовнаго и гражданскаго правосудія; наблюденіе за городскимъ благоустройствомъ и безопасностью; наконецъ, содержаніе въ исправности городскихъ крѣпостей и снаряженіе знаменитой въ лѣтописяхъ, такъ называемой, литовской пѣхоты, игравшей немаловажную роль въ военной исторіи исчезнувшаго польскаго государства.

О роли, какую играло въ жизни городовъ Бѣлоруссіи въ разсматриваемое время купечество, организовавшее въ крупныхъ городскихъ центрахъ для защиты своихъ интересовъ купеческія думы,—не находимъ въ Актахъ Виленской Археографической Коммиссіи подробныхъ и точныхъ свѣдѣній. Но есть, всетаки, не мало указаній на то, что купечество энергически и успѣшно боролось за свои права и привиллегіи не только съ цехами, но даже съ городскими магистратами; этой успѣшной борьбѣ, конечно, способствовало выгодное экономическое положеніе купечества, позволявшее ему находить заступниковъ и покровителей въ тогдашнихъ высшихъ сферахъ польскаго государства. И далеко нельзя сказать, чтобы купечество пользовалось выгодами своего по-

ложенія исключительно въ свою пользу и въ ущербъ остальнымъ членамъ городской общины.

Напримѣръ, въ 1665 году магистратъ такого важнаго города, какъ Вильны, столицы Великаго Княжества Литовскаго, пользовавшейся исключительнымъ правомъ,—какого были удостоены лишь немногіе города, посылать своихъ пословъ на государственный сеймъ, вынужденъ былъ заключить съ купечествомъ города миролюбивую сдѣлку касательно городского благоустройства. Являясь въ извѣстныхъ отношеніяхъ представителемъ интересовъ всей городской общины, терпящей отъ несправедливыхъ притязаній магистрата, купечество не только обезпечиваетъ свои торговыя права, заставивъ магистратъ отказаться отъ присвоенной самовольно его членами привиллегіи безпошлинной торговли, но и добивается того, что магистратъ обязывается, по примѣру Кракова, составлять велькеръ,—то есть временныя правила городского благоустройства и роспись городскихъ доходовъ, расходовъ и платежей,—съ участіемъ городского общества и народа и согласно съ мѣстными обычаями, причемъ городской бюджетъ долженъ былъ утверждаться плебесцитомъ—народнымъ голосованіемъ. Мало того, купечество получаетъ право посылать своего отдѣльнаго посла на сеймъ, въ качествѣ представителя передъ государствомъ отъ всего города *).

Еще легче было, разумѣется, образованному и богатому, по тогдашнему времени, бѣлорусскому купечеству отстоять свои права и интересы въ борьбѣ противъ притязаній различныхъ ремесленныхъ цеховъ на торговлю, въ борьбѣ, о которой повѣствуютъ многія статьи десятаго тома Актовъ Виленской Археографической Комиссіи. По этимъ документамъ трудно, однако, опредѣлить съ пол-

*) См. А. В. А. К., т. X, ст. 62.

ною точностью исходъ этой борьбы,—хотя перевѣсъ вообще сильно склонялся въ сторону купечества, но и цехи иногда успѣвали фактически присвоить себѣ право торговли производимыми продуктами.

Но если цехи могли не только вести борьбу съ купечествомъ изъ-за правъ на торговлю, но даже по временамъ предъявляли и осуществляли несправедливыя притязанія въ этой торговой сферѣ, то имъ почти невозможно было устоять противъ злоупотребленій магистрата, въ вѣдѣніи котораго они находились. Магистратскія лица, сообразно общему ходу польской исторіи, выдѣлились постепенно изъ городской общины въ качествѣ городской аристократіи, позволявшей себѣ попирать законъ. Какъ велики и опасны для ремесленниковъ были эти злоупотребленія, можетъ показать слѣдующій примѣръ. Въ 1670 году, когда городская община въ Бѣлоруссіи сохраняла еще въ себѣ много жизненныхъ силъ, королю Михаилу, по жалобѣ Виленскихъ мѣщанъ на чинимыя имъ обиды и притѣсненія, приходится предписывать своимъ королевскимъ листомъ виленскому магистрату, подъ угрозой штрафа въ 500 золотыхъ червонцевъ, чтобы магистратъ воздерживался отъ слѣдующихъ вопіющихъ злоупотребленій: цеховыхъ къ городской стражѣ въ день Рождества Христова не принуждалъ, особенно—при явномъ *потакательствѣ* купцамъ и *евреямъ*; чтобы магистратъ не защищалъ нарушителей цеховыхъ уставовъ; не взималъ лишнихъ и незаконныхъ поборовъ; не сажалъ ремесленниковъ безъ причины въ тюрьму; чтобы магистратскія лица никому не угрожали мечомъ; вообще, чтобы магистратъ воздерживался отъ своеволія и грабительства *). Но магистратъ, какъ видно, не всегда находилъ

*) См. А. В. А. К., т. X, ст. 158; ср. А. В. А. К., т. X, ст. ст. 49, 142, 100, 152.

острастку своимъ шляхетскимъ поползновеніямъ, и подъ 1776 годомъ мы встрѣчаемъ жалобу всѣхъ уцѣлѣвшихъ Виленскихъ цеховъ и мѣщанъ на Виленскій магистратъ и кагалъ, по случаю чрезмѣрныхъ злоупотребленій со стороны этихъ учрежденій и раззоренія горожанъ. Такъ, уцѣлѣвшіе цехи и мѣщане заявляютъ, что, вопреки королевскимъ привиллегіямъ г. Вильнѣ, евреи распространились по всему городу и занимаются торговлей и ремеслами, вслѣдствіе чего *тринадцать цеховъ прекратили уже свое существованіе*; что магистратъ вошелъ съ евреями въ сдѣлку—къ явному ущербу христіанскаго населенія города; что купцы насильственнымъ образомъ взимаютъ съ пріѣзжихъ очень высокіе и незаконные поборы и употребляютъ ихъ на роскошную жизнь, вмѣсто того, чтобы отдавать деньги въ общую кассу. Уцѣлѣвшіе цехи просятъ, чтобы всѣ евреи были выселены изъ города *).

Ослабленію цеховъ содѣйствовали постоянныя ссоры и распри между ними. Построенные на принципѣ промышленной монополіи, цехи постоянно вступали въ ожесточенную борьбу между собою, и эта борьба ослабляла ихъ силы. До какой степени своекорыстное и узкое начало монополіи проникало цеховую организацію и производство, видно изъ того, что погорѣльцамъ въ городахъ приходилось просить короля объ особомъ разрѣшеніи, чтобы получить возможность пригласить на работу мастеровъ, не принадлежащихъ къ мѣстному цеху **). Вступая въ борьбу между собою, цехи должны были безпрестанно обращаться за разрѣшеніемъ взаимныхъ споровъ къ магистрату и королю, что ослабляло ихъ самостоятельность и значеніе ***).

---

*) См. А. В. А. К., т. X, ст. 146; сравн. т. III, ст. 1632.
**) См. А. В. А. К., т. VIII, 1660 г.
***) См. А. В. А. К., т. X, ст. 32, 91, 96, 150, 140, 141, 144 и др.

Подчиняясь общему духу времени и пользуясь благопріятными для всякаго рода аристократическихъ поползновеній обстоятельствами, съ теченіемъ времени и старшины цеховъ дѣлаютъ попытки выдѣлиться изъ общей цеховой массы, стремятся подчинить себѣ младшихъ членовъ цеха и обратить въ свою личную пользу цеховые доходы. Возникаетъ борьба внутри цеховъ; рѣшителемъ споровъ является магистратъ, который съ теченіемъ времени все чаще и рѣшительнѣе становится на сторону цеховыхъ старшинъ. Благодаря этой могущественной поддержкѣ магистрата, эксплоатація старшинами цеховъ все болѣе усиливается *),

Тяжело было положеніе ремесленниковъ, организованныхъ въ цехи, надѣленныхъ королевскими привиллегіями и пользовавшихся кое-какою, не особенно постоянною и прочною по условіямъ времени и складу польской государственности, поддержкою королевской власти; еще печальнѣе было положеніе той массы рядовыхъ членовъ общины, которая не входила въ составъ купеческихъ и цеховыхъ организацій. Съ этою массою посполь ства, занимавшеюся, — насколько можно прослѣдить по Актамъ,—хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, огородничествомъ, наконецъ, черною работою, магистратъ нисколько не церемонился. Такъ въ 1776 году Виленскіе мѣщане жалуются королю на магистратскихъ лицъ, обращающихъ въ свою собственную пользу городскіе доходы, захватывающихъ въ свою собственность городскія имущества, отдающихъ городскихъ крестьянъ въ приданное своимъ родственникамъ, наконецъ, обращающихъ въ крѣпостное состояніе самихъ горожанъ и публично трактующихъ подобныхъ несчастныхъ, какъ холоповъ **). Само со-

*) См. А. В. А. К., т. X, ст. 80, 103, 126, 127, 159, 147.

**) См. А. В. А. К., т. VIII, ст. 212; сравн. т. VIII, ст. 192, 1665 г.

бою разумѣется, что злоупотребленія магистратовъ въ началѣ польско-литовской исторіи не носили такого откровеннаго и яркаго характера, и расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ лишь тогда, когда разложеніе городской общины достигло уже значительной глубины и размѣровъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ вліяніе на магистратъ пріобрѣло внѣдрившееся въ западнорусскіе города пришлое еврейство, вспомоществуемое засѣвшею въ городахъ Бѣлоруссіи шляхтою, іезуитами и монастырями.

Сколько бы, однако, недостатковъ и погрѣшностей ни заключалось въ постановкѣ упомянутыхъ общественныхъ учрежденій, все же они сами по себѣ могли обезпечить городскимъ общинамъ Бѣлоруссіи извѣстную долю самостоятельности и порядка, необходимыхъ для нравственнаго и матеріальнаго процвѣтанія населенія, но этому мѣшали политическія условія, среди которыхъ приходилось жить и дѣйствовать городскимъ общинамъ Западной Руси.

Хаотическое состояніе правосудія Рѣчи Посполитой, гдѣ не только обычай, подкрѣпляемый вооруженною силою, отмѣнялъ писанное право, но и одно писанное право противорѣчило другому, эта вѣчная неурядица, вѣчное броженіе управляемыхъ эгоизмомъ силъ создавали самое невыгодное положеніе для городскихъ общинъ, въ рукахъ которыхъ не было матеріальной силы, на которую можно было бы опереться въ борьбѣ съ интересами представителей другихъ общественныхъ группъ и другихъ юрисдикцій.

Чтобы наши слова не показались кому либо преувеличеніемъ, сошлемся на свидѣтельство человѣка, безпристрастіе котораго въ вопросахъ, касающихся польской исторіи, трудно заподозрить, на свидѣтельство Владиміра Спасовича, знаменитаго адвоката, извѣстнаго и своими историко-литературными трудами.

„Мы должны сказать,—говоритъ г. Спасовичъ въ своей статьѣ о запискахъ Матушевича, живописавшаго въ своихъ мемуарахъ нравственную физіономію и правдивый историческій обликъ польскаго общества въ Бѣлоруссіи въ половинѣ XVIII вѣка,—что самая злая, дышащая негодованіемъ и презрѣніемъ сатира не могла бы представить дѣятелей того времени въ худшемъ свѣтѣ, чѣмъ какими ихъ показываютъ простыя, веденныя безъ преднамѣренія, записки Матушевича, откровенная исповѣдь тревожной и полной усилій жизни. Въ словахъ—напыщенность чувствъ, въ разсказываемыхъ дѣлахъ--полное безстыдство; грязная чувственность и себялюбіе, едва прикрытыя обрывками старыхъ религіозныхъ и политическихъ идеаловъ, до того уже износившихся, что остались отъ нихъ однѣ фразы“ *).

„Деньги,—продолжаетъ г. Спасовичъ,--вообще играли въ томъ вѣкѣ гораздо большую роль, чѣмъ въ наше, столь обвиняемое за матеріализмъ время, просто потому, что гораздо болѣе было вещей, продававшихся за деньги: рѣшенія судей; голоса депутатовъ на сеймѣ; почти всѣ должности и званія—служили постоянными предметами сдѣлокъ между продавцами и покупателями **). Безправіе достигало такихъ размѣровъ, что надъ простыми людьми позволяла себѣ глумиться даже трибунальская (судебная) стража, захватывая людей ни въ чемъ неповинныхъ и беря съ нихъ выкупъ за освобожденіе отъ карцера ***). Духовные суды были продажны не менѣе свѣтскихъ ****), а отправленіе подкупной свѣтской юстиціи было вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени партійное и пристраст-

*) См. сочин. В. Спасовича, т. I, стр. 129, 149 и 160.
**) См. сочин. В. Спасовича, т. I, стр. 193.
***) См. сочин. В. Спасовича, т. I, стр. 192.
****) См. сочин. В. Спасовича, т. I, стр. 193.

ное. Выборъ маршала, подъ вліяніемъ интригъ и подкупа, — вотъ чѣмъ каждая партія старалась прежде всего обезпечить за собой трибуналъ, въ которомъ маршалъ предсѣдательствовалъ".

Въ такой исторической обстановкѣ положеніе городскихъ общинъ въ Бѣлоруссіи становилось съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе незавиднымъ — труднѣе всего, разумѣется, было городскимъ общинамъ отстоять свою независимость и благосостояніе отъ вымогательствъ и насилій старостинскаго и замковаго уряда. Въ 1496 году Гродна получила привиллегію на магдебургское право, а въ 1526 году королю приходится напоминать, чтобы гродненскій староста Юрій-Николай Радзивиллъ не лишалъ мѣщанъ правъ, предоставленныхъ имъ Магдебургскою грамотою *). Король запрещаетъ старостѣ: подчинять мѣщанъ замковому суду и взимать съ нихъ судебныя пошлины; облагать ихъ натуральными повинностями, которыя они должны нести только для военныхъ цѣлей; взимать съ нихъ въ свою пользу подати (!); наконецъ, отнимать у города крестьянъ и заниматься безпошлинно торговлею. Подъ 1544 годомъ опять встрѣчаемъ королевскій листъ гродненскому старостѣ Петровичу **). На этотъ разъ король, между прочимъ, приказываетъ старостѣ не отнимать у городской общины земель и не угрожать магистрату военною силою.

Подобными фактами переполнена печальная для городскихъ общинъ Бѣлоруссіи исторія столкновеній ихъ съ королевскими властями, подъ охрану и защиту которыхъ онѣ были поставлены въ силу закона, остававшагося обыкновенно въ польскомъ государствѣ мертвою буквою.

---

*) См. А. В. А. К., т. VII, ст. 7, 1526 г., ст. 1, 1496 г.

**) См. А. В. А. К., т. VII, ст. 13, сравн. т. VIII, ст. 124, т. IV, подъ 1609 г., т. VII, 1561 и 1730 гг.

Не мало обидъ чинила городской общинѣ и шляхта, живущая на земляхъ, подлежащихъ юрисдикціи магистрата. Вопреки точному и прямому смыслу жалованныхъ грамотъ городамъ на Магдебургское право, по которымъ шляхта, осѣвшая на городскихъ земляхъ, подлежала магистратской юрисдикціи, эта шляхта, опираясь на содѣйствіе и попустительство королевскихъ урядниковъ, старостъ и комендантовъ городскихъ крѣпостей, уклоняется отъ несенія городскихъ повинностей и присвоиваетъ себѣ право безпошлинной торговли, которое передаетъ подчиненнымъ ей лицамъ. Въ своихъ проискахъ противъ благосостоянія городской общины шляхта пользуется также своимъ военнымъ могуществомъ *).

Духовенство и монастыри, слѣдуя шляхетскому примѣру, уклонялись отъ выполненія своихъ общественныхъ обязанностей и стремились поставить арендаторовъ своихъ домовъ, лавокъ и прочаго имущества, находившагося на территоріи городской общины и состоявшаго большею частью у пронырливаго еврейства,—въ привиллегированное, по отношенію къ остальнымъ жителямъ городовъ Бѣлоруссіи, подчиненнымъ непосредственно только магистратскимъ властямъ, положеніе **).

Тщетно мѣщанство пробуетъ отстоять свои интересы и законныя права посредствомъ сплоченія; тщетно жители городскихъ предмѣстій заключаютъ спеціальные союзы, съ цѣлью противодѣйствовать неправильному отбыванію представителями различныхъ постороннихъ городской общинѣ вѣдомствъ квартирной и другихъ повинностей ***),—это не удается ему въ эпоху, когда по-

*) См. А. В. А. К., т. VII, 1541 г., см. Вит. Стар, Сапунова, т. 1, ст. ст. 37, 81, 82, 83, 89, 90.

**) См. А. В. А. К., т. VII, ст. 18, 35, 86.

***) См, А. В. А. К , т. X, ст. 48.

степенно усиливаются чрезмѣрно, — доходя до вырожденія и разложенія, — шляхетскіе и другіе враждебные массѣ русскаго народа элементы.

Благодаря незаконному укрѣпленію въ предѣлахъ городской общины чуждыхъ ей юрисдикъ, попирающихъ городское право и справедливость, сумѣвшихъ стать выше магистрата, для отдѣльныхъ недобросовѣстныхъ гражданъ открылась полнѣйшая возможность безнаказанно нарушать городскія привиллегіи и, пользуясь всѣми выгодами городского общежитія, правами промышленными и торговыми, уклоняться отъ несенія податей и повинностей, падавшихъ съ тѣмъ большею тяжестью на остальное, вѣрное общинной традиціи, населеніе*). Неудивительно послѣ этого, что городскія общины Бѣлоруссіи все болѣе бѣднѣли подъ непосильнымъ для рядовыхъ членовъ общины податнымъ бременемъ.

Но самый сильный ударъ правамъ и благосостоянію городскихъ общинъ Западной Руси нанесли евреи, опиравшіеся на замковый урядъ, которому они были подсудны **), на шляхту и на монастыри. По своимъ личнымъ правамъ евреи стояли выше не только крѣпостного крестьянства, но и мѣщанства. Въ судебномъ отношеніи даже по закону евреи пользовались значительными преимуществами предъ членами городской общины ***), не говоря уже о присущей евреямъ способности попирать законъ, способности, имѣвшей всѣ данныя для пышнаго развитія при тогдашнихъ политическихъ и общественныхъ условіяхъ.

Правда, по закону евреямъ, поселившимся на территоріи городской общины, вмѣняется въ обязанность принимать участіе во всѣхъ городскихъ повинностяхъ, исключая, однако, службы въ во-

*) См. Вит. Стар., т. I, ст. 62.
**) См. Вит. Стар., т. I, ст. 135, А. В. А. К. т. V, ст. 15.
***) См. А. В. А. К., т. V, ст. 465, 1388 г.

енное время въ войскахъ, — ихъ подчиняютъ, подобно шляхтѣ, по владѣнію городскими имуществами и по городскимъ промысламъ, юрисдикціи магистрата *), но, подобно шляхтѣ, евреи постепенно высвобождались изъ-подъ зависимости магистрату и становились въ привиллегированное положеніе. Опираясь на свои обширныя личныя права, на льготы, предоставленныя имъ въ судебномъ отношеніи, пользуясь далеко не безкорыстнымъ содѣйствіемъ и покровительствомъ королевскихъ старостъ и шляхты, ревностно поддерживаемые іезуитами, видѣвшими въ евреяхъ прекрасное средство обездолить православную массу городского населенія Западной Руси, евреи тѣснили бѣлорусское мѣщанство, вырывая насильно изъ рукъ торговлю и ремесла. Они со временемъ пріобрѣли даже отъ королей привиллегіи, противорѣчившія привиллегіямъ той или другой городской общины, а побѣда, при столкновеніи взаимно противорѣчивыхъ правъ городской общины и еврейства, обыкновенно оставалась за евреями, имѣвшими за себя могущественную поддержку старостъ, шляхты и монастырей, тѣхъ элементовъ, которые главнѣйше и дали возможность евреямъ, вопреки противодѣйствію городскихъ общинъ Бѣлоруссіи, укрѣпиться въ городахъ и соединить въ своихъ рукахъ большую долю городского богатства, доведя большинство мѣщанъ до жалкаго нищенства. Понятная вещь, евреи встрѣчали ожесточенное сопротивленіе со стороны бѣлорусской мѣщанской и купеческой массы **), и по временамъ терпѣли пораженія, особенно въ борьбѣ съ общинами богатыхъ и сильныхъ городовъ, въ родѣ Витебска или Вильны, — но въ общемъ перевѣсъ былъ на ихъ сторонѣ.

---

*) См. А. В. А. К., т. VII, ст. 10, Вит. Стар., т. I, ст. 135, А. В. А. К., т. IV, ст. 284, т. VII, ст. 54.

**) См. Вит. Стар., т. I, ст. 139, А. В. А. К., т. X ст. 146.

Таковъ былъ печальный результатъ исторіи бѣлорусской городской жизни. Да и трудно было городскимъ общинамъ бороться противъ сильныхъ противниковъ, опиравшихся, какъ шляхта и духовенство, особенно католическое, на политическую власть свою, на государственную силу, тогда какъ изъ западно-русскихъ городовъ только восемь были допущены къ прямому участію въ государственной жизни, пользовались правомъ посылать своихъ пословъ на сеймы. Понятно, какъ мало значенія имѣли на сеймѣ депутаты этихъ немногихъ городовъ.

Такимъ образомъ, юридическое положеніе городскихъ общинъ Западной Руси, вопреки первоначальнымъ привиллегіямъ, которыми были надѣлены города, совершенно исказилось и измѣнилось къ концу польскаго владычества. Вмѣсто цѣльной и самостоятельной городской общины, распоряжающейся свободно и властно своимъ имуществомъ, обладающей обширной общинной территоріей, заключающей пахотныя земли, луга и лѣса, сосредоточивающей въ своихъ рукахъ торговлю, промыслы и ремесла, производящей самостоятельно судъ и расправу въ предѣлахъ своей территоріи,—мы видимъ господство различныхъ духовныхъ и свѣтскихъ юрисдикъ, захватившихъ въ свои руки городскія имущества, освобождающихъ своихъ юрисдичанъ отъ власти магистрата видимъ многочисленное еврейство, овладѣвшее торговлею и промыслами, пользующееся многочисленными льготами и преимуществами въ правовой и экономической сферѣ.

Безсиліе и подавленность городской общины, окруженной со всѣхъ сторонъ врагами, нерѣдко вводили въ искушеніе самый магистратъ, который, становясь въ ряды притѣснителей и обидчиковъ

рядовой массы членовъ городской общины, отнималъ у послѣднихъ послѣднюю искру надежды *).

А когда вспомнимъ, что бѣлорусское крестьянство было порабощено, верхній помѣстный слой полонизованъ, и, такимъ образомъ, единственно въ городской свободной общинѣ могли пробиваться народное самосознаніе и самодѣятельность, то придется согласиться, что положеніе Бѣлоруссіи въ эпоху польскаго владычества было болѣе чѣмъ незавидно. Впрочемъ, разъединеніе народныхъ силъ никогда нигдѣ не приводило къ счастливымъ результатамъ.

В. К. Стукаличъ.

---

*) См. А. В. А. К., т. X, ст. 158.

БѢЛОРУССІЯ И ЛИТВА.

Изданіе П. Батюшкова.

Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ истомленное долговременною польскою неволею бѣлорусское племя вновь соединилось политически и культурно съ Восточною Русью и получило возможность дышать свободно и свободно развивать свои умственныя и нравственныя силы.

Сто лѣтъ—сравнительно небольшой промежутокъ времени въ жизни цѣлаго народа, развивающейся всегда медленно, до извѣстной степени стихійно, и потому, нельзя ожидать за этотъ періодъ особенно крупныхъ и рѣзкихъ перемѣнъ во всемъ складѣ народной жизни. Поэтому, при изученіи современнаго состоянія Бѣлоруссіи, никогда не слѣдуетъ забывать объ исторической перспективѣ.

Бѣлоруссія, ея исторія, ея современный бытъ, ея пространство и границы, характерныя особенности бѣлорусской народности, все это вопросы темные для русскаго общественнаго сознанія. Даже сами интеллигентные бѣлоруссы, не только полонизованные католики, но и заправскіе русскіе, православнаго исповѣданія и чисто русской культуры, большею частью имѣютъ крайне смут-

ное, нерѣдко прямо ошибочное и нелѣпое представленіе о родной бѣлорусской народности, изъ нѣдръ которой они вышли, и своимъ пренебреженіемъ къ изученію историческаго быта и современныхъ потребностей и нуждъ родного края нерѣдко способствуютъ невольно, не сознавая сами того, оживленію въ нѣкоторой части общества польскихъ симпатій и поползновеній. Нечего и говорить, конечно, объ интеллигентныхъ великоруссахъ и малороссахъ, питающихъ часто самые вздорные и неосновательные предразсудки относительно бѣлорусскаго племени и его исторіи.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, спѣшимъ оговориться, что, согласно новѣйшимъ указаніямъ филологической и исторической науки, мы принимаемъ бѣлорусское племя за одну изъ вѣтвей русскаго народа, наиболѣе близкую по физической и духовной организаціи съ великорусскою народностью; такъ что у бѣлоруссовъ, несмотря на долговременное польское господство и громадное сходство исторической судьбы съ малороссами, тѣмъ не менѣе гораздо больше родственныхъ чертъ въ нарядѣ, языкѣ, складѣ мыслей и характерѣ воли, съ великороссами, чѣмъ съ малороссами. Съ поляками у бѣлоруссовъ, не считая общей славянской основы, только и есть общаго, что десятка два—три словъ, заимствованныхъ изъ польскаго лексикона.

Полнѣйшее незнакомство русскаго образованнаго общества съ особенностями и исторіей бѣлорусской народности приноситъ громадный вредъ русскому дѣлу и русскимъ интересамъ въ Западномъ краѣ. Благодаря полнѣйшему невѣжеству мѣстнаго русскаго общества во всемъ, что касается исторіи и быта Бѣлоруссіи, оно не въ состояніи должнымъ образомъ бороться съ полонизованною частью бѣлорусской интеллигенціи, не

въ состояніи уличить бѣлоруссовъ польской культуры въ полномъ забвеніи исторіи Бѣлоруссіи и своего собственнаго происхожденія и роли.

Мнѣ чудится, я слышу уже голоса недальновидныхъ и забывчивыхъ людей, восклицающихъ: къ чему поднимать эти давно забытые вопросы и споры; къ чему обострять польско-русскія отношенія; къ чему шевелить уснувшія страсти!

Такія и имъ подобныя рѣчи чужды справедливости и истиннаго благоразумія. Только страусъ прячется отъ опасности, погрузивъ свою мудрую голову въ песокъ. Смѣлое, благородное и мужественное сердце никогда не станетъ игнорировать фактовъ и отступать передъ трудностями. Да и при томъ, вѣдь рѣчь идетъ вовсе не о нашихъ удобствахъ, не о легкости и пріятности сношеній съ полонизованною частью бѣлорусской интеллигенціи и заправскими поляками; рѣчь идетъ о попранномъ достоинствѣ значительной части русскаго народа и о серьезныхъ государственныхъ интересахъ, рѣчь идетъ о возрожденіи Бѣлоруссіи, какъ русской страны.

Многіе и совершенно справедливо, хотя, преувеличеннымъ образомъ, указываютъ на омертвѣніе бѣлорусской народности въ духовномъ отношеніи. Это омертвѣніе, дѣйствительно весьма значительное, является результатомъ, главнымъ образомъ, польскаго воздѣйствія на Бѣлую Русь, результатомъ внѣшнихъ, а не внутреннихъ причинъ. Не будь польской помѣхи, Бѣлоруссія давно бы такъ или иначе соединилась съ остальною русскою землею и внутреннее развитіе ея пошло бы иначе, болѣе правильнымъ и счастливымъ путемъ.

Въ настоящемъ году вышла въ свѣтъ книга, изданная по Высочайшему повелѣнію г. Батюшковымъ: „Бѣлоруссія и Литва“. Сочиненіе это составлено, главнымъ образомъ, профессоромъ Кіевской духовной академіи г. Петровымъ, работав-

шимъ при сотрудничествѣ гг. Малышевскаго и Городецкаго, профессоровъ той же академіи.

Нельзя не порадоваться появленію настоящаго изданія, знакомящаго широкіе круги читателей съ нѣкоторыми сторонами исторіи Бѣлоруссіи.

Но прежде, чѣмъ коснуться содержанія книги г. Батюшкова, мы считаемъ не лишнимъ, въ виду господствующихъ въ сферѣ бѣлорусской исторіи предразсудковъ и ложныхъ взглядовъ, въ виду неправильной оцѣнки изданія г. Батюшкова со стороны нѣкоторыхъ довольно солидныхъ органовъ мѣсячной печати, провести небольшую параллель между прошлымъ и современнымъ состояніемъ Бѣлоруссіи.

Этнографическія границы бѣлорусской народности и теперь почти тѣ самыя, что были въ древности, въ одиннадцатомъ и слѣдующемъ вѣкѣ. И тогда, какъ и теперь, бѣлоруссы занимали слѣдующія области: приблизительно половину Волынской губерніи, небольшой уголокъ Ковенской, половину Виленской, часть Тверской, западную часть Орловской, сѣверную часть Черниговской, небольшой уголокъ Кіевской; губерніи: Псковская, Смоленская, Витебская, Могилевская, Минская, Гродненская, въ которыхъ и теперь бѣлоруссы составляютъ преобладающее большинство населенія, когда-то сплошь были населены этимъ племенемъ.

Обширное бѣлорусское племя довольно рано начало стремиться къ созданію государственности. Въ удѣльно-вѣчевой періодъ русской исторіи въ этнографическихъ предѣлахъ Бѣлоруссіи образовался рядъ княжествъ, которыя всѣ почти и всегда тянули къ Полоцку, какъ къ своему центру. Отъ Полоцка, главнаго города бѣлорусской области, зависѣли пригороды, напримѣръ: Минскъ, Слуцкъ, Могилевъ, Усвятъ, Гродна и проч. Во внутреннихъ дѣлахъ эти пригороды были самостоятельны, но во внѣшней политикѣ зависѣли отъ

главнаго города, которому всегда оказывали дѣятельную поддержку въ борьбѣ съ противниками. Благодаря этой поддержкѣ, Полоцкое княжество успѣшно выдержало упорную вѣковую борьбу съ Кіевскимъ княжествомъ за самостоятельность.

Въ XIII вѣкѣ бѣлорусскія княжества, съ Полоцкимъ во главѣ, начинаютъ сливаться съ Литвою. Этому сліянію способствовали дружественныя сосѣдскія отношенія и военное счастье литовцевъ. Издавна литовскіе князья стали родниться съ бѣлорусскими, особенно съ вліятельною и богатою польскою линіею. Литовскіе князья, большею частью еще язычники, женились на православныхъ бѣлорусскихъ княжнахъ, предоставляя имъ полную свободу вѣроисповѣданія; въ свою очередь, бѣлорусскіе князья нерѣдко женились на княжнахъ-литвинкахъ. Отсюда естественное взаимное сближеніе, при которомъ, разумѣется, русскій, христіанскій и культурный элементъ, неизбѣжно долженъ былъ брать верхъ надъ языческимъ и полудикимъ литовскимъ. Браки и наслѣдованіе по женамъ столовъ сдѣлали то, что многіе литовскіе князья стали во главѣ бѣлорусскихъ княжествъ, а русскіе князья иногда переходили въ коренную Литву.

Нашествіе монголовъ и взаимный общій отпоръ имъ окончательно сблизили бѣлоруссовъ къ литовцами.

Въ 1242 году монголы проникли было въ Литву, но въ окрестностяхъ Лиды, нынѣ уѣзднаго города Виленской губерніи, монгольскія полчища были разбиты на голову литовскимъ княземъ Миндовгомъ, вспомоществуемымъ бѣлорусскими князьями.

Черезъ два года монголы Золотой Орды вновь, со свѣжими силами, проникли въ Бѣлоруссію. Но здѣсь, недалеко отъ Минска, опять были разбиты на голову искуснымъ и мужественнымъ

Миндовгомъ, вождемъ союзныхъ литовско-бѣлорусскихъ дружинъ. Съ этихъ поръ Золотая Орда ни разу не покушалась серьезно тревожить предѣлы Бѣлоруссіи и Литвы.

Съ Гедимина начинается періодъ общей для Бѣлоруссіи и Литвы исторіи. Этотъ прозорливый и дѣятельный князь значительно расширилъ предѣлы Литвы, присоединивъ къ ней множество бѣлорусскихъ удѣловъ. Русское населеніе охотно признавало и поддерживало власть князя, отличавшагося вѣротерпимостью и покровительствовавшаго русской народности.

Но особенно возвысилось Литовско-русское государство благодаря дѣятельности, мужеству и громаднымъ государственнымъ способностямъ сына и преемника Гедимина, великаго князя Литовскаго Ольгерда. Въ составъ Литовско-русскаго государства, при Ольгердѣ, входила вся этнографическая Литва, Бѣлоруссія и Малороссія. Литва въ эпоху Ольгерда заключала въ себѣ слѣдующія нынѣшнія губерніи: Сувалкскую, Ковенскую, Виленскую, Витебскую, Псковскую, Новгородскую, часть Тверской, Тульской, Калужской, всю Орловскую, Смоленскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Херсонскую, Каменецъ-Подольскую, Кіевскую, Волынскую, Могилевскую, Минскую и Гродненскую.

Неудивительно, что Ольгердъ былъ грозою и для хана Золотой Орды, и для всѣхъ сосѣдей. Онъ, между прочимъ, одержалъ блестящую побѣду надъ польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ. Ольгердъ царствовалъ около сорока лѣтъ и умеръ въ 1317 году.

Со вступленіемъ на великокняжескій литовскій престолъ его недостойнаго преемника и сына, Ягайлы, легкомысленнаго, лѣниваго и подозрительнаго человѣка, звѣзда Бѣлоруссіи склонилась къ закату, и только изрѣдка сіяла яркимъ свѣтомъ.

Ссорясь и враждуя съ своими родственниками, недружелюбно и недовѣрчиво относясь къ русской

народности, Ягайло легко склонился на сторону поляковъ, на содѣйствіе которыхъ разсчитывалъ, и принялъ отъ нихъ польскую корону. Но и послѣ этого былъ еще періодъ процвѣтанія Литовско-русскаго княжества, именно, при Витовтѣ, которому едва не удалось достигнуть полной самостоятельности для Литвы. При Витовтѣ была одержана знаменитая, навсегда сокрушившая могущество Ливонскаго Ордена, побѣда надъ нѣмцами подъ Грюнвальденомъ. Эту побѣду вынесло на своихъ плечахъ стотысячное литовско-русское ополченіе Витовта; поляковъ было гораздо меньше, и они сражались въ этой битвѣ нерѣшительно и неудачно. Особенно отличался въ Грюнвальденской битвѣ бѣлорусскій смоленскій полкъ.

Витовтъ хотѣлъ сдѣлать свою родину счастливою, самостоятельною, совершенно независимою отъ Польши, развивающеюся на родной почвѣ, но ему это не удалось, между прочимъ, и потому, что у него не было дѣтей.

Съ кончиною Витовта кончается періодъ славы, величія и самостоятельности Бѣлоруссіи и Литвы. Но, борьба за независимость съ поляками продолжалась еще 139 лѣтъ. Въ періодъ этой борьбы одинъ изъ предковъ въ настоящее время совершенно полонизованной, а въ былое время ревниво оберегавшей русское знамя семьи Чарторыйскихъ, князь Иванъ Чарторыйскій, съ помощью двухъ воеводъ, убилъ литовскаго князя Сигизмунда Кейстутовича, за притѣсненія русской народности.

Но въ 1569 году Литовско-русское государство политически окончательно умерло.

Несмотря на то, вся Бѣлоруссія до XVII вѣка въ вѣроисповѣдномъ отношеніи представляла одно сплошное православное исповѣданіе. Въ теченіе всего XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка русскій языкъ еще господствовалъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Въ 1588 году былъ изданъ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою въ первый

разъ сборникъ литовско-русскихъ законовъ подъ названіемъ Литовскій Статутъ, и изданъ на древнемъ бѣлорусскомъ языкѣ, а не на литовскомъ, какъ нѣкоторые ошибочно думаютъ.

Послѣ Люблинской уніи, въ Бѣлоруссіи начались смуты и внутренняя неурядица. Прежнюю непоколебимую вѣрность высшихъ сословій Бѣлоруссіи верховной власти и исконнымъ народнымъ началамъ смѣнили рознь, вражда, религіозные и національные раздоры, утѣсненіе народа.

Наконецъ, то, къ чему стремились Василіи, Іоанны, Алексѣй Михайловичъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, Петръ I, за что пролито было такъ много крови и несчастная Бѣлоруссія почти около двухъ столѣтій была театромъ военныхъ дѣйствій,—совершилось при Екатеринѣ II. Бѣлоруссія, вмѣстѣ съ Литвою и юго-западною Малороссіею присоединена была къ Россіи.

Итакъ, Бѣлоруссія, или, точнѣе, Литовско-русское государство, до злополучнаго соединенія съ Польшею, имѣла всѣ задатки прочнаго и правильнаго процвѣтанія.

На обширной и богатой территоріи этого государства мы видимъ сплошную массу русскаго народа, только съ сѣверо-запада окаймленнаго небольшимъ полуостровомъ Литвы.

Мы видимъ, что русская народность, вслѣдствіе своей численности и своей сравнительно высокой культурности, занимаетъ первенствующее положеніе въ государствѣ. На русскомъ языкѣ печатаются законодательные сборники, русскій языкъ есть языкъ двора, аристократіи, администраціи, суда и церкви.

Мы видимъ, что вся масса населенія Литовско-русскаго государства связана духовно исповѣданіемъ одной православной вѣры, которая могущественно объединяетъ Литву съ Русью.

Въ селахъ мы видимъ землевладѣльцевъ—дворянъ, подчиненныхъ въ военномъ отношеніи крѣпко княжеской власти, и крестьянское населеніе, подчиненное въ извѣстной мѣрѣ дворянамъ—землевладѣльцамъ, но не лишенное самоуправленія, выборнаго суда, и связанное съ дворянствомъ единствомъ языка, вѣры и происхожденія.

Въ городахъ литовско-русскаго государства мы находимъ сплошное русско-литовское населеніе, занимающееся торговлею и ремеслами, близкое къ народной массѣ, живущее съ нею вѣчевою и областною жизнью.

Прочность государственной организаціи, обширность территоріи, численность, предпріимчивость и живая энергія населенія—все это позволяло литовско-русскому государству не бояться сосѣдей.

Все вмѣстѣ, повидимому, создавало наиболѣе благопріятныя историческія условія для матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго процвѣтанія Бѣлоруссіи и для быстраго сближенія и соединенія ея съ остальною Россіею.

Судьба рѣшила иначе. Благодаря случайной связи, въ лицѣ великаго князя литовскаго, съ Польшею, измѣнился естественный ходъ исторіи литовско-русскаго государства, измѣнился въ ущербъ всему русскому народу вообще, Бѣлоруссіи въ особенности, измѣнился на вящшую пагубу самой виновницы этого переворота—Польши.

Благодаря вѣковому гибельному вліянію поляковъ, Бѣлоруссія въ моментъ соединенія съ Россіею, представляла картину полнаго народнаго разрушенія. Вотъ въ какомъ видѣ, приблизительно, представлялась въ этотъ моментъ Бѣлоруссія глазамъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя.

Многочисленное дворянство почти поголовно полонизовано, и полонизовано до такой степени,

что увѣрено даже въ своемъ мнимо-польскомъ происхожденіи, забыло о своей кровной связи съ русскою народностью, принимаетъ напоминаніе объ этой связи за личное оскорбленіе. Это дворянство исповѣдуетъ отличную отъ народной религію, говоритъ чуждымъ народу языкомъ, проникнуто посторонними народу идеями, и вмѣсто того, чтобы стоять на стражѣ законныхъ народныхъ интересовъ и чести, въ самомъ зародышѣ старается подавить въ народѣ всякую духовную оригинальность и самостоятельность, какъ вредную для цѣлей полонизма силу; употребляетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы обезличить и обезсилить народную массу.

Не менѣе печальную картину представляютъ въ этотъ моментъ города Бѣлоруссіи. Вмѣсто былого процвѣтанія христіанской торговли и промышленности, вмѣсто былого дѣятельнаго, трудолюбиваго, культурнаго и политически развитого мѣщанства и купечества, вмѣсто былого единенія городовъ съ землею въ экономическомъ, культурномъ и политическомъ отношеніяхъ,—теперь мы находимъ въ городахъ сплошную еврейскую силу.

И это нисколько не удивительно. Если и понынѣ, несмотря на открытую борьбу Правительства и общества съ вредными еврейскими элементами, евреи всетаки представляютъ изъ себя экономическую силу, противъ натиска которой оказываются необходимыми болѣе сильныя мѣры, то нечего удивляться быстрому росту еврейства въ Бѣлоруссіи во времена польскаго владычества, когда евреи, въ ущербъ народному достоинству и мощи государства, пользовались явнымъ покровительствомъ короля, всесильнаго духовенства, особенно іезуитовъ, полонизованнаго дворянства и администраціи. Евреи въ Бѣлоруссіи, въ періодъ польскаго владычества, пользовались большими личными и имущественными правами, чѣмъ православное купечество и мѣщанство.

Въ то время какъ послѣднее, напримѣръ, было лишено права носить въ мирное время оружіе, евреи имѣли право всегда носить при себѣ саблю. И не одна эта привиллегія сближала евреевъ съ польскимъ дворянствомъ; за убіеніе еврея, за раны, нанесенныя еврею, православный бѣлорусскій купецъ или мѣщанинъ отвѣчалъ, какъ за убіеніе и раны, нанесенныя шляхтичу.

Вопіющая несправедливость подобной привиллегіи еврейству станетъ для насъ еще болѣе явственною, когда вспомнимъ, что города въ военное время поставляли государству, изъ своей сферы и за свой счетъ, отборную литовскую пѣхоту, тогда какъ евреи были совершенно свободны отъ военной повинности и пользовались военными смутами лишь для того, чтобы пріумножить свое достояніе на счетъ христіанскаго населенія городовъ. И если это имъ иногда не удавалось, то никакъ не вслѣдствіе еврейскаго мягкосердечія, разумѣется, а вслѣдствіе перемѣнчивости военнаго счастья. При побѣдоносномъ нашествіи, напримѣръ, непріятеля на бѣлорусскіе города, евреи, какъ наиболѣе зажиточный элементъ, понятная вещь, нерѣдко жестоко платились за свое экономическое преобладаніе.

Какъ извѣстно, Польшѣ не дешево обошлось это безумное покровительство евреямъ. Въ годину трудныхъ историческихъ испытаній города являются обыкновенно центрами, откуда бьетъ живой пульсъ политической энергіи. Между тѣмъ, у поляковъ единственною политическою силою, въ подобныхъ обстоятельствахъ, было разсѣянное по своимъ усадьбамъ дворянство, потому что города были переполнены хищнымъ, совершенно индифферентнымъ къ нуждамъ пріютившаго его государства, еврействомъ.

Но если вообще для Польши было пагубно преобладаніе въ городахъ еврейскаго элемента, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать относительно Бѣлоруссіи. Здѣсь, при быстрой полонизаціи сред-

няго и мелкаго дворянства, измѣнившаго народнымъ идеаламъ болѣе всего изъ за своекорыстныхъ, низменныхъ разсчетовъ, единственною духовною опорою русской народности могло явиться городское зажиточное и сравнительно культурное общество. Въ началѣ такъ и было. Но послѣ того, какъ польской власти удалось разорить и умалить православное бѣлорусское населеніе городовъ, внѣдривъ въ городскія общины еврейскую силу, совершенно чуждую народу по духу, не говоря уже о противоположности экономическихъ интересовъ, города уже не могли проявлять себя болѣе въ качествѣ вполнѣ самостоятельной и мощной русской политической и національной силы, хотя никогда не прекращали своихъ благородныхъ усилій, направленныхъ къ огражденію духовной самобытности Бѣлоруссіи. Многочисленныя православныя братства, разсѣянныя по всему пространству Бѣлоруссіи, по всѣмъ ея городанъ, представляли къ концу польскаго владычества только тѣнь прежней славы и прежняго могущества.

Насильственное и дерзкое подавленіе русской національности и свободы вѣроисповѣданія; полонизованное и развращенное дворянство, относящееся съ презрѣніемъ и холодною жесткостью къ забитой и угнетенной народной массѣ, еврейская сила, фанатическая, высокомѣрная, съ ненавистью и безпощаднымъ еврейскимъ эгоизмомъ относящаяся къ коренному населенію, засѣвшая въ городахъ и опирающаяся въ своей разрушительной, по отношенію къ русской народности, дѣятельности на всѣ вліятельные элементы польской государственности—вотъ ужасная картина, которую мы видимъ на пространствѣ всей злосчастной Бѣлоруссіи въ моментъ возсоединенія ея съ Россіею.

Обратимся къ разбору книги г. Батюшкова. Въ предисловіи г. Батюшковъ отмѣчаетъ тотъ печальный и унизительный для русскаго самолюбія фактъ, что въ концѣ 50-хъ годовъ ни въ одномъ

центральномъ учрежденіи не имѣлось точныхъ свѣдѣній по статистикѣ и этнографіи Бѣлоруссіи; что русская историческая литература и періодическая печать того времени вѣрили на слово источникамъ польскаго происхожденія, иногда апокрифическимъ, часто измышленнымъ и всегда тенденціознымъ; что, извращая бытовыя данныя и тѣмъ отрицая самобытность древнихъ элементовъ Бѣлоруссіи, польская печать, а за нею и русская, въ извѣстной ея части, не признавали неоспоримыхъ народныхъ правъ Россіи на западныя ея окраины, лучше сказать, не признавали Бѣлоруссію, по ея этнографической основѣ и исторіи, неразрывною составною частью русскаго народа и государства. Отсюда проистекало гибельное вліяніе польскихъ идей на русскую администрацію, дѣйствовавшую не разъ въ ущербъ достоинству Россіи и законнымъ интересамъ русской народности въ Бѣлоруссіи.

Благодаря мятежу 1863 года, вниманіе русскаго Правительства и общества было обращено, наконецъ, на Бѣлоруссію. Въ результатѣ предпринятыхъ изслѣдованій оказалось, что поляки, правильнѣе сказать, полонизованные бѣлоруссы, малороссы и литовцы, не составляютъ и десяти процентовъ населенія Западнаго края.

Книга г. Батюшкова состоитъ изъ двухъ неравныхъ Половинъ: первая заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ Бѣлоруссіи и Литвы; вторая содержитъ рядъ небольшихъ монографій, служащихъ объясненіемъ къ многочисленнымъ прекраснымъ рисункамъ, помѣщеннымъ въ первой половинѣ книги и иллюстрирующимъ ея содержаніе. Наибольшую цѣнность преставляетъ, конечно, первая половина книги, составленная профессорами Кіевской духовной академіи Н. Петровымъ и Малышевскимъ. Объясненія къ рисункамъ составлены преимущественно г. Городецкимъ.

Трудъ гг. Петрова и Малышевскаго, понятная вещь, не претендуетъ на научную самостоятельность, на оригинальную разработку историческаго матеріала. Это не болѣе какъ популярный сводъ данныхъ, собранныхъ и освѣщенныхъ цѣлымъ рядомъ изслѣдователей Бѣлоруссіи: гг. Антоновичемъ, Кояловичемъ, Дашкевичемъ, Васильевскимъ, Брянцевымъ, Турчиновичемъ, Сазоновымъ, Чистовичемъ, Жуковичемъ, Владиміровымъ, Бантышъ-Каменскимъ, Владимірскимъ, Будаковымъ, А. П. Сапуновымъ и другими, болѣе или менѣе замѣтными тружениками исторической науки. Спѣшимъ замѣтить, что авторы вовсе не скрываютъ этого популярнаго характера своего труда, и книга усѣяна безчисленными ссылками на писателей и сочиненія, откуда заимствованы тѣ или другіе факты и мнѣнія, при чемъ „Витебская Старина“ А. Сапунова принесла обильную и щедрую дань труду гг. Петрова и Малышевскаго.

Въ началѣ своего историческаго очерка, авторы отмѣчаютъ тотъ фактъ, что Литва и Бѣлая Русь, поселившись рядомъ одна возлѣ другой, при близкомъ племенномъ сродствѣ славянскаго и литовскаго племени, вступили въ тѣсныя связи между собою, которыя повели оба племени къ взаимному вліянію другъ на друга въ языкѣ, вѣрѣ, просвѣщеніи и промышленности и къ совмѣстной защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ, при чемъ преобладающее значеніе долгое время оставалось на сторонѣ русскаго племени.

Этотъ основной фактъ служитъ почвою, на которой вышивались различные узоры литовско-русскихъ отношеній. Поолѣдующее вмѣшательство польской гражданственности и польскаго католицизма, которые быстро укрѣпились въ Литвѣ, спутало и затемнило прежнія литовско-русскія отношенія.

Историческій очеркъ Бѣлоруссіи распадается въ разсматриваемой книгѣ на четыре части. Въ

первой излагаются судьбы бѣлорусскаго племени до соединенія съ Литвою; во второй—отъ образованія литовско-русскаго государства, до соединенія съ Польшею, въ 1386 году, въ лицѣ короля; въ третьей—судьба Бѣлоруссіи подъ польскимъ владычествомъ; въ четвертой и послѣдней части излагаются перемѣны, происшедшія въ народной жизни Бѣлоруссіи съ момента ея возсоединенія съ Россіею.

Вкратцѣ отмѣтивъ, что, во время своей полной политической независимости, вся Бѣлоруссія группировалась вокругъ Полоцкаго княжества, игравшаго видную, рѣшающую роль въ исторіи сѣверо-западной Руси, подобную той, какую играли Кіевское и Суздальское княжества въ исторіи южной и восточной Россіи,—авторы переходятъ къ изложенію литовско-русскихъ отношеній и связей.

То силою оружія, то родственными связями съ русскими князьями и принятіемъ православія, сосѣдніе литовскіе вожди водворялись въ русскихъ областяхъ и, подчиняясь русской гражданственности, начинали новое смѣшанное поколѣніе литовско-русскихъ князей, поколѣніе, воспитанное на русскихъ началахъ. Это смѣшанное поколѣніе литовско-русскихъ князей, прежде всего, присоединивъ къ себѣ, преимущественно путемъ наслѣдованія, Полоцкое и Витебское княжества, вслѣдъ затѣмъ, легко объединило съ Литвою всю Бѣлоруссію, считавшую Полоцкъ своею главою, и образовало могущественное литовско-русское государство. Въ этомъ государствѣ бѣлорусское племя, благодаря своей численности и культурности, заняло главенствующее положеніе, такъ что древній книжный бѣлорусскій языкъ сдѣлался языкомъ двора, законодательства и управленія, а православная вѣра стала быстро распространяться, вмѣстѣ съ знаніемъ русскаго языка, въ кругу литовскихъ вельможъ.

Правда, не всѣ литовско-русскіе князья принимали христіанство,—но никто изъ нихъ не преслѣдовалъ православія, и всѣ покровительствовали русской народности, предоставляя ей полную внутреннюю самостоятельность.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что Литва, въ самое короткое время, настолько усилилась, что включила въ свои предѣлы, помимо собственно литовскихъ земель, составляющихъ нынѣшнія губерніи: Ковенскую, Сувалкскую, половину Виленской и западную часть Витебской, еще всю Бѣлоруссію, Малороссію и половину нынѣшней Новороссіи. При Ольгердѣ Литва громила шведовъ и поляковъ и держала въ подчиненіи у себя хановъ Золотой Орды.

Если бы такое теченіе дѣла продолжалось еще нѣкоторое время, то, замѣчаютъ авторы историческаго очерка,—Литва, усвоивъ себѣ русскій языкъ, русскіе обычаи и законодательство, принимая русское вѣроисповѣданіе,—перемѣнила бы свою литовско-языческую народность на христіанско-русскую.

Къ несчастію, преемникъ Ольгерда, великій князь литовскій Ягайло, или Ягелло, какъ его неправильно величаютъ польскіе историки, сдѣлалъ гибельный шагъ, принесшій неисчислимый вредъ не только Бѣлоруссіи и Литвѣ, но и самой Польшѣ.

Опираясь на принадлежавшіе лично ему собственно-литовскія области, Ягайло вступилъ въ вѣроломную борьбу съ подчиненными ему родственными князьями, княжившими въ бѣлорусскихъ земляхъ. Тѣснимый своими противниками и нуждаясь въ посторонней помощи, Ягайло съ радостью ухватился за бракъ съ Ядвигой, разсчитывая усилить свое личное могущество и окончательно смирить непокорную Бѣлоруссію.

Въ 1386 году, согласно заранѣе данному обѣщанію, Ягайло въ Краковѣ торжественно перешелъ изъ православія въ католичество. На состоявшемся въ томъ же году съѣздѣ представителей

Польши и большинства литовскихъ князей въ Волковыскѣ выработаны были слѣдующія условія соединенія Литвы съ Польшей.

Въ той и другой будетъ одинъ верховный государь Ягайло. Будутъ общія иностранныя сношенія по дѣламъ, касающимся обоихъ государствъ, и общая защита противъ всякаго врага. Но внутренное управленіе обоихъ государствъ будетъ совершенно отдѣльно: каждое будетъ имѣть своихъ особыхъ должностныхъ лицъ, особую казну, особыя войска.

Поставивъ Литовское государство на путь окатоличенія и ополяченія, и, вообще, сліянія съ Польшею, Ягайло оставилъ, однако, въ Литвѣ, въ санѣ великаго князя Литовскаго, для непосредственнаго управленія Литвою, своего намѣстника. Намѣстники Литвы и вообще литовско-русскіе князья въ громадномъ большинствѣ стремились отвоевать для Бѣлоруссіи и Литвы возможно большую самостоятельность и независимость отъ Польши. Изъ такихъ подчиненныхъ польскому королю намѣстниковъ наибольшаго могущества, величія и славы достигъ великій князь Литовскій Витовтъ, объединившій подъ своею властью все Литовско-русское государство и не признававшій почти надъ собою власти польскаго короля.

Къ несчастью, Витовтъ не понялъ, что единственною прочною основою для полной независимости Литвы могла послужить русская народность и православная вѣра, поэтому великія силы ума и воли, которыми обладалъ этотъ замѣчательный государь, оказались впослѣдствіи малоплодными.

Чрезвычайно пагубное вліяніе имѣла заключенная Витовтомъ съ Польшею въ 1413 году такъ называемая Городельская унія. По условіямъ этой уніи Литва и Польша соединяются въ одно государство. Въ Литву вводятся должности, подобныя польскимъ, и учреждаются въ ней сеймы на польскій образецъ, чисто сословные, взамѣнъ

прежняго всесословнаго вѣча. Литовское дворянство, по выбору великаго князя, приписывается къ польскимъ гербамъ и получаетъ права польскаго дворянства, болѣе широкія и лично, и по имуществу, но всѣ эти права доступны польско-католическимъ семьямъ; на высшія должности и чины въ государствѣ должны избираться не иначе, какъ лица, принявшія католическую вѣру.

Послѣ Городельской уніи, литовско-русское дворянство, стремясь къ расширенію своихъ политическихъ, личныхъ и имущественныхъ правъ, массами стало переходить въ католичество и воспринимать полонизмъ, какъ особое культурное, рыцарско-шляхетское начало, противное исконному земскому началу Бѣлой Руси. Отсюда недовѣріе, вражда, подозрительность, неравенство правъ различныхъ частей одного и того же народа, раздвоеніе народныхъ силъ, ослабившее Литовско-русское государство въ самое короткое время и сдѣлавшее его легкою добычею польско-іезуитскихъ махинацій.

Горькое сѣмя принесло горькій плодъ. Приблизительно со второй половины XV вѣка въ жизни Литовско-русскаго государства замѣчается довольно чувствительная перемѣна къ худшему, противъ прежняго времени. Тогда какъ до сихъ поръ, несмотря на отступничество Ягайлы и неоднократные договоры о государственномъ соединеніи Литвы съ Польшею, Литовское государство всетаки имѣло своихъ особыхъ государей, болѣе или менѣе охранявшихъ и защищавшихъ его самостоятельность и самобытность,—со второй половины XV вѣка Литовскіе великіе князья нарочито выбираются поляками и въ короли Польши, съ цѣлью тѣснѣйшаго соединенія этихъ государствъ, и въ общемъ дѣйствительно являются орудіями и проводниками въ литовско-русскую государственную, общественную и церковную жизнь тѣхъ латино-польскихъ началъ, которыя провозглашены были

Ягайломъ при первомъ соединеніи съ Польшею Литвы въ 1386 году.

Польское вліяніе выражалось въ усиленномъ распространеніи католичества, въ ополяченіи этого католичества, вначалѣ носившаго въ Литвѣ русскій оттѣнокъ, въ чрезмѣрномъ расширеніи правъ дворянства на счетъ верховной власти и другихъ сословій и классовъ населенія, въ освобожденіи этого дворянства отъ тягостей государственныхъ повинностей и, наконецъ, въ униженіи и закрѣпощеніи за полонизованнымъ дворянствомъ простого русскаго народа.

Гонимое русское населеніе, борясь за свою народность, обращало не разъ свои взоры на Востокъ, къ единовѣрной и единоплеменной Москвѣ, а это заставляло великихъ князей Литовскихъ, ведшихъ частыя войны съ Москвою, соглашаться на еще болѣе тѣсную связь Литвы съ Польшею, въ разсчетѣ, почти всегда довольно ошибочномъ, на помощь поляковъ.

Со времени окончательнаго государственнаго соединенія Литвы съ Польшею на Люблинской уніи 1569 года, борьба бѣлорусскаго племени за свою духовную самостоятельность теряетъ прежній героическій оттѣнокъ и становится неравною борьбою съ безцеремоннымъ и жестокимъ противникомъ, на сторонѣ котораго всѣ внѣшніе элементы силы. Только въ религіозной сферѣ русская народность продолжаетъ упорную борьбу съ полонизованнымъ католицизмомъ, опираясь на многочисленныя православныя братства, монастыри и школы.

Однако, польско-шляхетское вліяніе не могло безъ сопротивленія водвориться въ Литовско-русскомъ государствѣ, потому что оно шло въ разрѣзъ выгодамъ служилыхъ князей и вельможъ, ограничиваемыхъ въ своей власти и правахъ возрастающимъ значеніемъ дворянства или шляхты,— и клонилось къ полному уничиженію кресть-

янства и мѣщанства, еще не утратившихъ воспоминанія о былыхъ, болѣе счастливыхъ, дняхъ.

Чтобы окончательно сломить сопротивленіе литовскихъ вельможъ и культурнаго бѣлорусскаго купечества и мѣщанства, крѣпко стоявшихъ за русское начало, поляки призвали на помощь себѣ іезуитовъ, которые, дѣйствительно, въ короткое время, достигли изумительныхъ результатовъ, въ смыслѣ насажденія польско-литовскихъ началъ въ Литвѣ и сокрушенія всего, что носило русскій характеръ; но въ итогѣ іезуиты способствовали быстрому разложенію и паденію самой Польши.

Предпринятыя по иниціативѣ іезуитовъ гоненія на православную церковь, напоминающія собою гоненіе языческихъ римскихъ императоровъ на христіанъ въ первые вѣка христіанства, не могли не отозваться самымъ печальнымъ образомъ на положеніи западно-русской православной церкви. Но, въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ само населеніе Бѣлоруссіи становится на защиту церкви и выказываетъ чудеса преданности, самоотверженія, энергіи.

Не только простой народъ, но и часть знати, еще въ началѣ семнадцатаго вѣка, стояла крѣпко за народную православную церковь. Правда, русской вѣрѣ и русской народности къ этому времени успѣли измѣнить князья Сапѣги, Слуцкіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Соломерецкіе, Масальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны, Ходкевичи, Пацы, Тышкевичи, Хрептовичи, Кирдѣи, Заборовскіе и другіе,—но еще остались вѣрными своему народу князья, вельможи и дворяне—Друцкіе-Горскіе, Огинскіе, Корсаки, Скумины, Володковичи, Сурины, Гарабурды, Стеткевичи, Каменскіе, Копти, Мирскіе, Ставицкіе и др.

Во второй половинѣ XVII вѣка бѣлорусское дворянство почти поголовно было совращено въ католичество и полонизмъ. Католичество съ этого

времени становится какъ бы панскою вѣрою, а русская вѣра, православіе и унія, вѣрою простого народа.

Несмотря на все это, несмотря на ухищренія іезуитовъ, преслѣдованія православныхъ, несмотря на энергическую и беззастѣнчивую дѣятельность знаменитаго ордена базиліанъ—этихъ іезуитовъ, перерядившихся изъ волчьей въ овечью шкуру, все-таки значительная часть бѣлорусскаго народа не была совращена въ унію до конца существованія Польши. Православіе устояло, благодаря стойкости русскаго населенія, особенно крестьянъ, внутреннему разложенію шляхетскаго общества и заступничеству Россіи.

Обширная пятая, шестая и седьмая главы книги Батюшкова, составляющія около половины всего труда, заняты описаніемъ этой утомительной борьбы бѣлорусской народности за свою народность и вѣру.

Двѣ послѣднія главы посвящены разъясненію судебъ Бѣлоруссіи послѣ возсоединенія ея съ Россіею.

Авторы отмѣчаютъ, что русское правительство и общество не сразу взяли вѣрный тонъ по отношенію къ Бѣлоруссіи. Сначала русское правительство ласкало полонизованную бѣлорусскую шляхту и латино-уніатское духовенство, представлявшихъ при ихъ богатствѣ и образованіи значительную умственную и государственно-общественную силу, и съ этою цѣлью давало имъ разныя права и преимущества, въ ущербъ оставшейся вѣрною русскимъ началамъ народной массѣ. Но привязать къ себѣ эти полонизованныя силы русскому правительству не удалось; полонизованная шляхта и латино-уніатское духовенство пользовались предоставленными имъ правами и преимуществами лишь для того, чтобы поработить себѣ западно-русское населеніе и закрѣпить его за собою, утвердить и расширить въ краѣ господство полонизма.

Несмотря на то, возрожденіе Бѣлоруссіи двигалось впередъ и въ концѣ XVIII вѣка болѣе полутора милліона уніатовъ обратились въ православіе. Этому широкому народному движенію положилъ предѣлъ Павелъ I, ограничившій дѣятельность православной церкви по обращенію уніатовъ. Павелъ I вообще ласкалъ латинянъ и подчинилъ имъ уніатовъ Бѣлоруссіи.

Только Александръ I, наученный тяжелымъ опытомъ неблагодарности поляковъ къ нему и къ Россіи въ 1812-мъ году, къ концу своего царствованія рѣшительно сталъ поддерживать въ Бѣлоруссіи мѣстныя русскія силы. Этой благотворной политикѣ слѣдовалъ въ теченіе всего своего царствованія Императоръ Николай I. Въ его царствованіе произошло, въ 1839 году, возсоединеніе всѣхъ оставшихся уніатовъ съ православною церковью.

Главными двигателями уніи, въ смыслѣ возсоединенія ея съ православною церковью, въ царствованіе Императора Николая I выступаютъ молодые представители бѣлаго уніатскаго духовенства, вышедшіе изъ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ, томъ самомъ университетѣ, который предназначался, по мысли князя Чарторыйскаго, для утвержденія польской народности въ западной Россіи. Это объясняется, между прочимъ, сильнымъ подъемомъ національнаго чувства во всемъ славянствѣ въ эту пору, отразившимся и въ стѣнахъ Виленскаго университета, гдѣ профессорствовалъ тогда знаменитый ученый, славистъ-богословъ, уніатскій каноникъ Бобровскій.

Въ заключеніе своего поучительнаго историческаго очерка судебъ Бѣлоруссіи профессоры Петровъ и Малышевскій касаются вопроса о необходимости создать въ Сѣверо-Западномъ краѣ учрежденіе, способное служить духовно-нравственнымъ средоточіемъ для русской народности, способное укрѣпить и оживить ее въ борьбѣ съ наносными польскими элементами.

Какъ извѣстно, для этого предполагалось учредить въ Вильнѣ или другомъ бѣлорусскомъ городѣ русскій университетъ съ факультетами историко-филологическимъ и богословскимъ, или православную духовную академію. Авторы разсматриваемой книги совершенно справедливо указываютъ, что духовная академія не можетъ въ этомъ смыслѣ играть большой роли, какъ заведеніе спеціальное, стоящее въ сторонѣ отъ широкихъ круговъ общества. А какъ дѣйствительно существуетъ настоятельная необходимость въ мѣстномъ ученомъ и духовномъ центрѣ для Бѣлоруссіи, то остается учредить въ ней университетъ.

Къ книгѣ г. Батюшкова приложенъ подробный алфавитный указатель встрѣчающихся въ ней именъ и карта бѣлорусскихъ земель. Карта не совсѣмъ полна; губерніи: Смоленская, Псковская, Тверская, Орловская, Калужская и Черниговская, часть которыхъ и понынѣ занята бѣлорусскимъ племенемъ, по этой картѣ вовсе не включены въ предѣлы географическаго и этнографическаго распространенія бѣлорусскаго племени. Алфавитный указатель составленъ тщательно, и вполнѣ удовлетворяетъ своей цѣли—облегчить справки по книгѣ.

Вобще, нельзя не привѣтствовать это изданіе, столь изящное и недорогое, представляющее искусную и талантливую группировку историческаго матеріала. Въ этой книгѣ нельзя искать полной исторіи Бѣлоруссіи, нельзя искать отвѣта на всѣ вопросы бѣлорусской исторіи. Такъ, почти вовсе не затронута въ ней исторія свѣтскаго образованія въ Бѣлоруссіи, развитіе гражданскаго права и законодательства, роль и вліяніе на городской бытъ Бѣлоруссіи еврейскаго элемента и многіе другіе вопросы первостепенной исторической важности. Но за то авторы вполнѣ достигли сво-

ей прямой цѣли,—доказать, что Бѣлоруссія есть страна исконно русская и православная, что польскія притязанія на Бѣлоруссію не имѣютъ подъ собою ни этнографической, ни исторической почвы.

В. К. Стукаличъ.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
507
.65
S8

Stukalich, V. K.
Bielorussiia i Litva

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 11 13 08 07 014 3